

ДАГЕСТАН

№4 (139)
АПРЕЛЬ 2017
journaldag.ru

Колонка редактора

Читатель устал

Колонку требует у меня наш новый шеф-редактор Горбанев. «К десяти часам, по объему не более 2000 знаков...» – говорит. Еще должно быть остро, емко и актуально. Я обещаю Диме, что будет к десяти часам материал, и знаков найду 2000 штук. Но будет ли это колонкой, прочтут ли люди, дойдет ли до читателя? Это становится главным вопросом всех изданий и пишущего человека сегодня. В голове прокручиваю картины, события, лица, эмоции, мысли прошедшего месяца. Что взять для колонки? Объяснить читателю, что новый закон по сборам от дальнбойщиков хорошо, – аморально. Говорить, что они должны быть на нелегальном положении, как сегодня, – глупо. Да и без них много событий было в республике за прошедший месяц. Что-нибудь вычленить как самое важное – будет неправильно. Ибо мы редко можем определить, каковы приоритеты и потребности общества в самых разных вопросах.

На мой взгляд, читатель устал от бесконечных информационных сливов, потоков словесной грязи, ругани и оскорблений, интриг и сплетен на всех уровнях. Есть у народа внутренняя, духовная потребность к чему-то возвышенному, светлому, доброму и человеческому. Это почувствовал я на прошлой

неделе, когда провел свой литературный вечер в Театре поэзии. Программа была рассчитана на час с половиной, время вышло, но никто не хотел уходить, особенно люди, приехавшие издалека.

В конечном итоге редколлегия сошлась во мнении, что показать надо прежде всего человека. Его внутренний мир, его мысли и чувства, его радости и печали, его страхи, его надежды, его разочарование и веру – все, что связано с ним, независимо от его социального и прочего положения в обществе.

Новый проект называется «Без протокола». И первым, к кому мы адресовали свои вопросы, – первое лицо республики и ее Глава Рамазан Абдулатипов. Кто такой Рамазан Абдулатипов? Что ему снится, чего он боится, кого он уважает, чем он живет, кем является по жизни? Эти и другие вопросы, как принято говорить, прямо и «без купюр» мы ему и задали.

Обо всем этом читайте в интервью «Занимая должность, я продолжаю жить». Насколько честны мы в своих вопросах и насколько откровенен Глава республики – судить читателю.

6+

ДАГЕСТАН

№4(139) апрель 2017 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство печати и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АЛИЕВ М.И.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

<http://journaldag.ru>

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040

КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН

БАНКА РОССИИ г. Махачкала

Р/С 40601810100001000001,

БИК 048209001

Назначение платежа:

135000000000000000130

(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.

Тираж – 1500 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Подписной индекс на год – 63280,

на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

В номере:

Магомед Бисавалиев

Занимая должность,
я продолжаю жить!

4

Андрей Меламедов

«Нам удалось
переломить ситуацию»

12

Тамерлан Магомедов

На перекрестке
как в тумане

18

Амин Аминов

Диалог по правилам

21

*Светлана Анохина,
Яна Мартиросова*

Кала-Корейш:
вперед в прошлое

23

Владимир Севриновский

Голая богиня

38

Магомед-Наби Халилов

Он постиг
тайну красоты

43

Влада Бесараб

Смертью смерть поправ.
Русская гитара на бис

47

Мадина Хуршилова

Последний день лета

52

Анастасия Блищавенко

Млечный путь

54

Марат Лугуев

Рассказы

56

Сегодня мы хотим свободно поговорить об искусстве, музыке, живописи, театре, о жизни и людях, которые творят и создают вчера и сегодня для завтра. Хотим поспорить – о приметах и явлениях нашего времени, частной и общественной жизни. Ну, например, встречаются ли в природе политики вне политики. Вне того пространства, что, помимо собственного их желания, окружает невидимым облаком каждого, кто решается шагнуть во власть, отрезая себя от остальных непроницаемым барьером.

Кто такие политики, без официальных речей и закулисных игр. Без словесной мишуры и зримой атрибутики стремительных кортежей, без неписаных правил, гораздо более жестоких, нежели сами бои без правил.

Наш первый гость, по всем законам жанра – первое лицо, Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов. И наша новая и, надеемся, постоянная, рубрика. Искренне ваш – Магомед Бисавалиев.

ЗАНИМАЯ ДОЛЖНОСТЬ, Я ПРОДОЛЖАЮ ЖИТЬ!

– Рамазан Гаджимурадович, считается, что человек никогда не насытится двумя вещами – властью и деньгами. Согласны ли Вы с этим утверждением?

– Никогда не было самоцелью для меня заработать много денег. Долгие годы я сводил концы с концами. В годы, когда жил и работал на Севере, у меня была большая зарплата, больше 500 рублей. Но я в основном тратил их на покупку и издание

книг, на поездки на научные конференции, и меня такая жизнь вполне устраивала.

– А как насчет власти?

– Без лукавства: власть меня тяготит, я не радуюсь власти. Хотя благодарен Президенту, что в конце жизни дал возможность поработать на Дагестан. В свое время, когда меня оставили безработным после должности вице-премьера российского правительства, меня спросили журналисты: «Кем

же вы сейчас будете?» Я сказал, что у меня есть должность. Они спрашивают: какая, откуда? Я отвечаю: «Моя должность – Абдулатипов». Если ты как личность состоялся, остальные должности сами тебя найдут, и не надо за ними бегать.

– В таком случае, кого Вы считаете лучшим руководителем в истории Дагестана?

– Про себя нельзя говорить? (Смеется.)

– Можете, если Вы сами считаете себя таковым...

– Конечно же – Коркмасов, Даниялов, Умаханов были грамотными людьми. Хотя в истории Дагестана очень много солидных, масштабных руководителей, личностей.

– Мировые лидеры, которые вызывают Ваше уважение.

– Рузвельт. Петр Первый. При всех своих ошибках, по масштабу личности и сделанному – Иосиф Сталин. Безусловно, если исходить из сегодняшних реалий, Путин...

– Неудивительно...

– Ирония понятна, но... Прочитайте

мою книгу «Диалог философа и правителя», которая издана в то время, когда Владимир Владимирович еще был исполняющим обязанности Президента. Я там предсказываю, каким он будет правителем и как спасет страну; почти все из того, что там написано, сбылось. Теперь вот хочу ее переиздать.

– Есть немало людей, не имеющих никакого отношения к политике, которые, скажем так, не очень любят Вас. Вы, безусловно, об этом знаете. Чем, по-Вашему, объясняется эта нелюбовь? И как Вы к этому относитесь?

– Нелюбовь к власти мне досталась по наследству. Происходит она от нелюбви ко многим начальникам, равнодушным к людским проблемам. Года два назад была у меня встреча с людьми в Кизилюрте. Спрашиваю их, есть ли вопросы ко мне. Встает молодой человек и начинает пер-

вым делом меня упрекать. Мол, вы сюда приехали на дорогих машинах, а людям есть нечего. Я у него спрашиваю: «Вам сколько лет?» – «Двадцать пять...» – «Когда мне было двадцать пять, я бросил работу заведующего медпунктом и пошел работать кочегаром на химзаводе в этом самом городе Кизилюрте. После этого я поехал учиться и закрыл себя на 10 лет в библиотеке, и жил, убежден, хуже, чем вы. Но я, в отличие от вас, не сдавался – работал и учился. И эта машина, и все остальное – это результат той многолетней учебы и работы на разных уровнях. Учитесь, работайте, и, глядишь, через 40 лет уже вы приедете сюда на машине с эскортом. Но вы хотите всё и сразу, здесь и сейчас, а так, увы, не бывает. И не нужно заранее сдаваться и искать виновных в своих проблемах».

– Хрущев много сделал для того, что-

бы ликвидировать в стране атмосферу страха и в итоге сам стал жертвой «освобожденных» товарищей по партии? Вы не раз говорили о том, что одна из глав-

ных Ваших задач – освобождение дагестанцев от рабства в широком смысле этого слова. Не бойтесь, что вчерашние рабы захотят избавиться от Вас?

– Не боюсь. Я люблю, когда мои подчиненные, тем более дагестанцы, говорят со мной на равных. Когда твои соратники перед тобой с согнутой спиной – не будет у них уважения к тебе, унижение лишь копит ненависть и откровенно вредит общему делу. Среди множества порядочных людей, с которыми я работаю, иногда попадаются те, кто не понимает этих простых истин, кто сам готов унижать и унижаться. Я стараюсь от таких избавляться, мне не нужны интриги вместо работы. Но таким людям в итоге не дано понять, что на самом-то деле их отставили только потому, что они не справились со своими прямыми обязанностями. И они мстят мне, причем за свои грехи и идут на предательство.

– Римский император Диоклетиан, в свое время отрекся от власти и поехал в деревню. Когда у него поинтересовались, не жалеет ли он о своем решении, он ответил: «Если бы вы увидели, какую капусту я вырастил, вы бы не задали мне этот вопрос». Вы могли бы поступить так, как он?

– Если будет такая необходимость. Между прочим, мы с женой такой вариант для себя планируем. В моей жизни было разное. Я ведь уходил с должности Чрезвычайного и полномочного посла фактически в никуда. Мне Дмитрий Анатольевич Медведев говорил тогда, будучи Президентом: «Рамазан Гаджимурадович, вы ведь почти второй человек в Таджикистане по авторитету, с работой справляетесь, почему уходите?». Рядом стоял Сергей Приходько, советник Президента по внешним связям, он сказал: «Дмитрий Анатольевич, он не просто хороший, он в пятерке лучших дипломатов России». Ко

мне вопросов не было, я ушел, потому что я себя исчерпал на этом месте, и считаю, что надо уметь уходить вовремя.

– Этот вопрос – в продолжение предыдущего. Все наши правители либо бывают свергнуты, либо умирают, но добровольно никогда не уходят. Вы считаете это нормальным явлением? Это правильно или все же надо уходить добровольно? Говорят же, что нормальная власть должна быть сменяемой как памперс?

– Я не знаю что там с памперсами, их у нас в ауле не было в отличие от вашего аула, но знаю, что сменяемость власти это один из принципов демократии. Если вопрос лично ко мне, то я уходил с должности министра, я уходил с должности посла, я уходил с должности ректора. Сменяемость должна быть. Я на первых этапах часто менял министров, сейчас понимаю, что частые кадровые перестановки – не всегда обоснованы, ибо человеку нужно

бывает время, чтобы вникнуть в то, что у него происходит в отрасли; смена руководства не всегда бывает эффективна...

– Я представляю, как сейчас многие министры обрадуются, услышав такое...

– Если предает, продает и крадет – тут вопросов нет, человека надо снимать. А в целом, конечно, необходимо упорядочить систему управления, дать шанс людям проявить себя с профессиональной стороны.

– Кого бы Вы хотели видеть руководителем Дагестана после себя?

– Одно знаю, от старой бюрократии Дагестан измотался, устал. Нужны люди нового поколения, нового мышления. Нужен человек, не перегруженный этим печальным дагестанским опытом, но вместе с тем, человек, который знает и любит Дагестан. Ищу человека, который так же искренне относился бы к судьбам Дагестана, дагестанцев, России, чтобы передать полномочия.

– Так есть в Вашей команде такие люди? Кто они?

– Такие люди есть: два-три человека. Но они не доросли еще, не набрались опы-

та, не освободились от старых предрассудков. Давайте я не буду озвучивать их имена и плодить «преемников»? Тем более что я еще не устал и никуда не ухожу...

– Чего Вы боитесь больше всего?

– Боюсь за судьбу родных мне людей, за Дагестан, за Россию, за мир в целом. Сегодня все человечество стало уязвимым в результате прогресса и развития, а где-то и из-за отсутствия со-

вести. Как показывает жизнь, чем быстрее развивается мир в научно-техническом плане, тем чаще человек без моральных принципов может становиться все более агрессивным и потенциально опасным.

– Вам снятся сны? Что именно? Не бывает ли среди них вещей?

– Редко снятся.

– Человеку ведь свойственно видеть сны. Или Вы не запоминаете их?

– Сон – это отражение твоего внутреннего состояния. Это результат прожитого или отклик души на то, что у тебя в голове, в мыслях. Плод твоих раздумий, переживаний и сопереживания. Бывают они и у меня, но не всегда запоминаю. Вспомнил сейчас один, смешной сон, который мне иногда снится: сон о том, что я студент исторического факультета ДГУ, и вот мне диплом не дают из-за того, что не сдал экзамен по математике. Вот только математики, как известно, нет на историческом... Что касается вещей снов, так они есть почти у каждого человека, и даже религия признает это.

– Верите ли Вы в приметы?

– В какой-то степени да. Помню, как верны были приметы в горах. Например, если туча была

Нужен человек, не перегруженный этим печальным дагестанским опытом, но вместе с тем, человек, который знает и любит Дагестан

над северо-восточной горой – это точно к дождю. Когда путник встречал по дороге птицу... как же она называется? На нашем диалекте гьудгьуд, по-русски удоод, кажется, с таким гребешком птица, пестрая. Когда она встречается, путнику везет в дороге, и он возвращается с удачей. Приметы, у каждого народа они свои, и, думаю, что есть в них что-то.

– **Как часто вы вспоминаете детство?**

– Постоянно. И с возрастом эти воспоминания только усиливаются. Детские воспоминания у меня сопровождаются ярким солнцем и ассоциируются с образом мамы.

– **Думаете ли Вы о смерти? Бойтесь ее?**

– О смерти думает любой человек, хоть немного познавший, что же такое жизнь. Бойсь ли я смерти?

Это зависит, мне кажется, от конкретных обстоятельств, от ситуации, от внутреннего состояния. Хотя было в моей жизни немало опасностей,

начиная с угроз и до неудавшихся покушений, ибо в политику я попал в годы смуты или, как иногда говорят, лихолетья. Страх преобладает, когда человек дает волю чувствам. Если ты осознаешь его причины, он отходит на второй план. Ибо мы получим ровно то, что предназначено нам судьбой, Всевышним.

– **Выходит, Вы верите в предопределенность судьбы. Но тогда не остается места нашей воле и поступкам, выходит, от нас ничего не зависит?..**

– Не верить в предопределенность судьбы мусульманин не может. Ибо судьба – къадар – и вера в предопределение – один из шести столпов имана. Хотя вокруг этой темы на разном этапе развития исламской науки много копий сломано в богословских спорах, и, на мой взгляд, нет тут до сих пор однозначного ответа. Единственное, что я пока понял: воля человека и его судьба идут вместе.

– **Спрошу иначе: Вы довольны своей судьбой?**

– На все сто процентов. Я всегда говорю, что я доволен родителями, Родиной, на земле которой я родился, Всевышним, который даровал мне жизнь, здоровье и такую судьбу. Другой вопрос в том, что я, может быть, не вполне использовал свой потенциал и свои возможности, данные Всевышним. Работаю над этим по сей день...

– **Как Вы относитесь к проблеме отцов и детей? Сравниваете Ваши отношения со своим отцом и отношения Ваших детей с Вами?**

– Конечно же, они отличаются. Это другое поколение, другая эпоха и другая культура. Мой отец был очень строгим человеком и для меня непререкаемым авторитетом. По мнению моих детей, я тоже,

оказывается, строгий, им воли не даю. Я им так говорю: «Слушайте, я в кошмарном сне себе не мог представить, чтобы мой отец со мной играл в карты, как я с вами, в

«дурака».

– **Какие черты Вашего характера Вам не нравятся? Вы с ними боретесь или мирно сосуществуете?**

– Я человек эмоциональный, родом из маленького аула, и многое говорю людям прямо в лицо. Потому что в маленьком ауле у народа нет возможности в политику играть, ибо каждый день люди встречаются на узкой улице, есть постоянный контакт. Мне об этом моем недостатке говорил и брат мой, говорят и жена, и друзья. Но, к сожалению, у меня по-другому не получается.

– **Манипулируют ли Вами Ваши родные, земляки? Ваши внуки? Ваша собака?**

– Магомед, ты это лучше моей собаки знаешь, мы с тобой не первый год знакомы... Во-первых, наши люди, земляки, не избалованы властью и деньгами. И потом, ты прекрасно знаешь, что в моем роду нет наглых людей, которые могли бы прийти и что-либо требовать. Если я в каких-то делах помогаю, они скажут «спасибо» за это, и

недовольства не будет, что меньше сделано, чем ожидали... Что там было про собаку?

– Ну, скажем так: о чем Вы думаете во время регулярных утренних прогулок с собакой?

– Во-первых, я благодарен Басику, ибо это единственное живое существо, которое не мешает мне думать и меня всецело понимает. (Смеется.) Ну и жена, конечно, меня понимает. Скажу честно, с каждым днем количество людей, которые меня понимают, увеличивается в Дагестане. Значит, я до многих дохожу.

– В продолжение темы собак и людей. Почему Вы порой, мягко говоря, не очень вежливы к членам вашей команды, я имею в виду членов правительства? Чего стоят, к примеру, Ваши фразы: министры

– «охотничьи собаки», вице-премьеры – «памперсы – ставят, лишь бы не протекало», депутаты – «болванчики». Это все становится достоянием общественности, интернета. Как должны к этому относиться адресаты и общественность? Это случайный выброс эмоций или сознательное желание обидеть нерадивых чиновников?

Конечно, надо быть сдержаннее.
На дне терпения – истина

– Первые два – мои. Третье – распространенный шаблон, а я ими в своей речи не пользуюсь, у меня в достатке своих собственных образных выражений и идиом.

– Кажется, было что-то подобное на сессии...

– Не было, я знаю что говорю... Конечно, надо быть сдержаннее. На дне терпения – истина!

Но разве всё это не говорит также и о моей открытости и честности по отношению к людям? Я такой

не только по отношению к членам своей команды, но и по отношению к членам своей семьи, когда они переходят рамки дозволенного, приличного. Иные люди вовремя гасят эмоции, зато действуют намного подлее, хладнокровнее и коварнее. Нелестные эпитеты, обидные слова – ничто по сравнению с поступками некоторых, с виду добрых и учтивых, людей, которым ни души, ни рук уже не отмыть.

– Какие моменты собственной биографии Вы бы «отредактировали», если бы представилась такая возможность?

– Отношение к иностранным языкам. Когда я жил в горах, не было у нас иностранного языка. Была возможность изучить арабский дома – тоже упустил. Еще уделил бы больше внимания своим родителям... Цените их сейчас, каждый день, пока они живы.

– Каким своим поступком Вы больше всего гордитесь? А какого стыдитесь?

– Горжусь, что когда моего отца незаконно освободили от должности председателя колхоза, я написал письмо Министру обороны СССР Малиновскому,

что поступили нечестно с фронтовиком. Я в это время служил в армии. В результате создали комбинат бытового обслуживания, назначили отца директором, и Гитинов, который был тогда секретарем Тлярятинского райкома партии, сказал ему: «Я бы хотел иметь такого сына, как твой Рамазан». Горжусь, что в Севастополе, где я был недавно вместе с другими главами республик и областей страны, есть береза, посаженная в память о моем отце, который защищал этот город, не щадя своей крови. Горжусь тем, что в свое время мне удалось официальное название нашей страны «Россия» дополнить и отстоять выражение «Российская Федерация».

– **Название есть, есть ли федерация?**

Тоже ведь вопрос. А какого поступка Вы стыдитесь или за что Вам неловко?

– Думаю, что таких поступков немало, но нет среди них предательства и бесчестия.

Об этом долго можно говорить...

– **Вы часто испытываете чувство разочарования в чем-либо или в ком-либо?**

– Бывает, как же без этого. Стараюсь, чтобы оно во мне не заглушало остальные чувства... ведь мне надо и дальше работать, поднимать республику!

– **Почему так много портретов Абдулатипова в Дагестане? Как думаете, долго ли они провисят после того, как Вы покинете свой пост?**

– Все зависит от того, кто смотрит на мои портреты. Если я со своими мыслями, пожеланиями, идеями и делами дошел до человека, для него это не много. Для тех, до кого я не дошел, для тех, кого не переубедил, может быть, ну а тех, кому я мешаю – их Абдулатипов и безо всяких портретов бесит. Хотя я главам говорю, что лучше бы вывесили для наглядности диаграммы роста показателей муниципалитета, информацию, сколько денег получено и на что они потрачены. Хотя на портретах я неплохо выгляжу, тоже свое-

го рода сигнал для друзей и недоброжелателей. (Смеется.)

– **С какой исторической личностью Вы себя отождествляете?**

– «Отождествляю» слишком громко сказано, скорее, выверяю свои шаги, решения, поступки, на кого равняюсь. С имамом Шамилем – в начале карьеры, жизненного пути. Сейчас, уже на этом посту, в Дагестане – наверное, с Данияловым. С Петром Первым – в том, что мы оба не любим бородатых. Учусь многому у В.В. Путина.

– **Как Вы относитесь к смертной казни?**

– Плохо.

– **Способны ли Вы убить человека?**

– Думаю, что нет. Если нет войны,

никто не угрожает твоей Родине, если нет опасности для близких тебе людей. Вместе с тем, если человек урод – что с ним еще делать? Если он убивает детей, напри-

мер? Все зависит от обстоятельств.

– **Какую еду предпочитаете?**

– Я ем, чтобы не умереть.

– **Какие у Вас увлечения, любимые занятия?**

– Люблю сидеть за столом. Если даже ничего не делаю. Люблю думать, размышлять, разговаривать с людьми в ауле, слушать других, когда им есть что сказать. Люблю ходить по тропинкам в горах, приводить их в порядок.

– **Вы разрушили многие стереотипы: владеете игрой на пандуре, играете в волейбол, танцуете, шутите. Это делается для того, чтобы создать образ нестандартного руководителя или все-таки это попытка максимальной самореализации?**

– При чем здесь образы, имиджи? Занимая любую должность, даже такую высокую, как нынешняя, я продолжаю жить. Делаю то, что я делал бы и без должности. Должности приходят и уходят, а жизнь продолжается.

– По мнению некоторых специалистов, Ваши стихи, музыка не очень хороши в профессиональном плане. Зачем Вам это? Не лучше ли оставаться первым там, где у Вас это получается, – например, в политике?

– Все относительно. Не всем же быть великими мастерами, должны быть и подмастерья. Кто-то пишет стихи гораздо лучше меня, кто-то – точно хуже. Однажды Расул Гамзатов мне сказал: «Я думал, что есть один серьезный человек, а оказывается, ты тоже стихи пишешь...» Я так и не рискнул ему показать свои строки. С другой стороны, если не стремиться к цели, никуда и не дойдешь. Вдруг, глядишь, годам так к девяноста и научусь. Так что передай моим критикам, пусть еще немного подождут. *(Смеется.)*

– Видите ли Вы черты своего характера в детях? Они унаследовали от Вас только достоинства? Или кому-то достались и Ваши недостатки?

– У них меньше недостатков, чем у меня. Как мне кажется.

– Какое ваше любимое слово? И какие ассоциации вызывает у вас это слово?

– Дагестанские слова «намус, яхI» – честь и совесть. Мой отец любил слово «товарищ», по-аварски это звучит и как друг.

– Говорят, что Александр Македонский сказал: «Если мне не было бы суждено родиться Македонским, я должен был родиться Диогеном». А кем хотел бы родиться Абдулатипов?

– Гамзатом Цадасой. Его мудрость, его сатира, его ирония и самоирония мне очень нравятся. Хотел бы я быть похожим и на своего дедушку Хаджимурада. А похож я на своего отца Абдулатипа, который говорил, что в наследство богатство не оставляет, а вот за имя его нам никогда не будет стыдно. Я стараюсь этому следовать.

**Фото: Руслан АЛИБЕКОВ,
пресс-служба Главы и
Правительства РД**

Андрей МЕЛАМЕДОВ

«НАМ УДАЛОСЬ ПЕРЕЛОМИТЬ СИТУАЦИЮ»

Опожаре на вещевом рынке, разбитых махачкалинских дорогах, энергетических долгах, бесхозных электрических сетях и многом другом корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с вице-премьером правительства РД Шамилем Исаевым.

– Шамиль Абдулаевич, как вы относитесь к системе «Платон»?

– Если это вопрос к Исаеву, как частному лицу, то ответ однозначный: не одобряю. Ну нельзя с одной овцы три шкуры драть. Ведь, помимо «Платона», водителям приходится платить транспортный налог, акцизы на ГСМ. Но, как должностное лицо, я обязан добиваться, чтобы федеральные законы неукоснительно выполнялись.

– И никаких попыток изменить явно ненормальную ситуацию предпринимать не будете?

– Мы уже подключили к решению этого вопроса депутатов Госдумы от Дагестана; в частности, Гаджимету Сафаралиеву – члену комитета по транспорту, передано обращение инициативной группы водителей. В ближайшее время Сафаралиев приедет в республику, будет встречаться с дальнбойщиками. Также подготовлено обращение руководства республики по этому вопросу, которое будет направлено на имя спикера Госдумы Вячеслава Володина. Думаю, что и другие регионы подключатся.

– Изменение законодательства – процесс очень длительный. А дальнбойщики, участвующие в акции, продолжают говорить о том, что будут стоять до тех пор, пока «Платон» не отменят полностью. Как после ваших встреч в Манасе вы оцениваете серьезность их намерений? Как долго, на ваш взгляд, продлится противостояние водителей большегрузов и власти?

– Уверен, что в ближайшее время в Дагестане противостояние сойдет на нет. Уже сегодня его градус намного ниже. Это прямое следствие работы, которую мы провели в последние три недели. За это время нам удалось решить практически все большие вопросы, относящиеся к компетенции республиканского правительства. Из трех пунктов проверки по линии транспортной инспекции на территории республики останется один, карточки допуска к международным перевозкам будут выдаваться на пять лет, каждый случай необоснованных придинок работников ГИБДД будет рассматриваться как ЧП, и по нему будут оперативно приниматься самые жесткие меры. После актуализации баз данных ФНС и ГИБДД (эта работа займет около трех месяцев) размер транспортного налога в республике будет доведен до среднего уровня по СКФО. Кроме того, на таможне на границе с Азербайджаном создается площадка по принципу «одного окна». Там завершается монтаж современного весового оборудования, позволяющего сократить время прохождения границы с полутора суток до 2–3 часов. К июлю этот объект будет сдан. В общем, сделано очень многое, и эта работа продолжается. Глава республики очень серьезно контролирует данное направление, требуя, чтобы мы максимально облегчили ведение «малого бизнеса на колесах».

Кроме того, мы подключили к диалогу с водителями глав районных администраций, джамааты, представителей Духовного управления. И уже налицо первые реальные результаты.

– Что вы имеете в виду?

– Мы ежедневно мониторим ситуацию по «Платону». Вот, посмотрите, сводка

за сегодня. Если в первые дни на различных площадках в республике стояло около тысячи машин, то теперь их количество сократилось до 160, а площадка осталась всего одна, в Манасе. Многие водители прекратили участие в протестных акциях, часть их уже выехала в рейсы в другие регионы России, а также в Азербайджан и Иран. С оставшимися водителями продолжаем вести переговоры, часть их включена в состав рабочей группы, с которой тесно сотрудничаем. В общем, считаю, нам удалось переломить ситуацию.

– Некоторые издания республики опубликовали материалы, в которых говорится, что из-за протестных действий дальнбойщиков в республике может возникнуть продовольственный кризис. В частности сообщается об остановке работы небольших предприятий по выпечке хлеба из-за нехватки муки, запасов которой в Дагестане осталось всего на неделю.

– Ко мне ежедневно поступают данные как по ценам на продукты питания, которые из-за забастовки водителей, действительно, незначительно выросли, так и по ситуации с товарами первой необходимости. Никаких оснований бить тревогу нет. Организован завоз в республику муки и других продуктов первой необходимости железнодорожным транспортом, буквально вчера очередной состав пришел

в Хасавюрт. В последнее время наладили перевозку продуктов автомобильным транспортом. Так что, повторюсь, никаких оснований для тревоги нет.

– **Поговорим о рынках, работу которых вы также курируете. Очень коротко об уроках масштабного пожара на вещевом рынке по улице Ирчи Казака.**

– В свое время мы создали межведомственную рабочую группу по рынкам, разработали дорожные карты для каждого муниципального образования. Персональную ответственность за выполнение мероприятий, обозначенных в них, несут главы муниципалитетов, которые выдают рынкам разрешения на торговую деятельность. Кстати, отмечу, что хуже всего

мероприятия, прописанные в дорожных картах, реализуются в Махачкале и Хасавюрте.

– **Противопожарные мероприятия в этих картах предусмотрены?**

– Естественно, и не только они. Ставилась задача по организации работы рынков строго в рамках федерального и республиканского законодательства.

– **Получается, отсутствие гидрантов на рынке, а также невозможность проехать к очагу возгорания – это прямая недоработка администрации города?**

– Я по существу ответил на этот вопрос, когда сказал о работе по реализации дорожной карты. Ведь в состав межведомственной группы в обязательном порядке входили и представители пожарных служб.

– **Ходят упорные слухи, подтвержденные фактом заведения соответствующего уголовного дела, что причиной пожара на рынке стал поджог, цель которого – освободить его территорию.**

– Вопрос насчет поджога это к правоохранительным органам. Что же касается освобождения территории, случится это теперь не очень скоро. Да, ранее мы планировали в течение ближайшего времени перенести на муниципальный рынок, расположенный на 5-м километре федеральной трассы два рынка – Цумадинский и рынок на Ирчи Казака. Это все было в дорожной карте Махачкалы. Пока же переедет только Цумадинский рынок, поскольку после пожара решено на три года отложить перенос за город рынка на Ирчи Казака – с учетом интересов пострадавших от пожара людей. Кроме того, принято решение о том, что они на год освобождаются от арендной платы после устранения последствий пожара, и на тех же льготных условиях могут получить места на других рынках города.

И еще один момент. По инициативе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РД Заура Курбанова, создан фонд помощи пострадавшим от пожара. Надеемся, что в Дагестане найдется много неравнодушных людей, которые захотят помочь попавшим в беду.

– Вы отвечаете за дороги республики. Тут «больных» вопросов великое множество, особенно когда речь заходит о городских магистралях. Даже в столице республики все дорожные работы ограничиваются выборочным «ямочным» ремонтом. Изменится ли ситуация после получения 637,5 млн рублей в рамках Федеральной программы «Безопасные и качественные дороги»? Хватит ли этих средств для того, чтобы махачкалинские улицы стали действительно «качественными»?

– Начать хочется все же с республиканских дорог. Много говорить не буду, отмечу только, что Агентство по дорожному хозяйству РД проводит очень большую работу, по многим базовым показателям наши дорожники одни из лучших в России. Насчет же городов согласен полностью. Но и тут перемены есть. По инициативе Главы республики мы провели большую подготовительную работу и первыми из республик СКФО вошли в программу «Безопасные и качественные дороги». Так что на Северном Кавказе это пилотный проект.

Вы сказали о том, что федеральный центр выделил Дагестану 637,5 млн рублей. На самом деле денег будет вдвое

больше, такую же сумму добавит республика из своего дорожного фонда. О выделении этих средств, кстати, написали многие СМИ, но практически никто не указал, что это не разовая акция, а серьезная программа, рассчитанная на много лет. Указанные суммы будут выделяться ежегодно до 2025 года. Так что перспективы у города весьма неплохие.

Мы подсчитали, что в рамках этой программы нам удастся полностью реконструировать 914 км дорог в Махачкале. 113 км – это подъездные дороги к городу, а 801 км – собственно, внутригородские дороги. Речь идет о полном цикле, предусматривающем помимо укладки асфальта установку бордюров и организацию уличного освещения. В этом году, кстати, будут реконструированы 76 километров городских улиц.

Чтобы окончательно закрыть вопрос о дорогах, сразу скажу про федеральные трассы. На этот год на их реконструкцию выделено 4 млрд рублей. На эти деньги будет полностью реконструирован участок трассы М 29, проходящий через Агачаул, а также продолжены работы по реконструкции федеральной трассы в районе Манаса. Закончены проектные работы по объездной дороге вокруг Хасавюрта, в

ближайшее время эта дорога будет включена в федеральную программу. Что касается объездной дороги вокруг Дербента, то она на стадии проектирования.

– **Проясните ситуацию с портом.** В последние месяцы объемы перевалки здесь упали в два-три раза, эксперты говорят, что это не предел.

– Действительно, объемы перевалки падают, главная причина – приказ Минэнерго, согласно которому запрещается транспортировка нефти с содержанием серы более 0,6%. Если приказ не будет отменен, порт практически полностью встанет. Так же, как и Дагестаннефтепродукт. Глава республики направил письма на имя Владимира Владимировича Путина и Дмитрия Анатольевича Медведева с просьбой вмешаться в ситуацию. Надеемся, что руководители страны не позволят остановить работу очень важных для республики предприятий.

– **Многие эксперты считают, что сложившаяся ситуация – отголоски борьбы за порт Сулеймана Керимова и Зиявудина Магомедова. Вы согласны с ними?**

– Я не хотел бы это комментировать.

– **Как по-вашему, кому из них в итоге достанется порт?**

– Честное слово, не знаю. Скажу только, что республика обратилась в Минтранс со следующим предложением: при приватизации этого объекта оставить Дагестану 25% плюс одну акцию.

– **После последней встречи с Путиным Глава республики сообщил о планах строительства судоремонтного и судостроительного заводов, а также нового порта в районе завода «Дагдизель». Насколько это серьезно?**

– Речь идет о реализации проекта Каспийского транспортно-логистического комплекса и развития транспортного коридора «Север-Юг», в котором важная роль отводится Дагестану. Как только федеральный центр примет решение о начале реализации этого проекта, мы подключимся. А о серьезности наших намерений говорит тот факт, что под все эти объекты уже зарезервированы земли в Каспийске, Карабудахкентском районе и на части территории завода «Дагдизель». Практически полностью готова и дорожная карта.

– **Вы курируете важное направление – малый и средний бизнес. С этого года за отсутствие позитивных результатов в этой сфере будут сокращать дотации из федерального бюджета. Не боитесь?**

– Нет. Несмотря на то, что по основным показателям мы существенно отстаем от центральных районов России, в последнее время это отставание неуклонно сокращается. За три года в рамках проекта «Обеление экономики» нам удалось вывести из тени более 150 тысяч человек, ранее числившихся безработными. На налоговый учет поставлены практически все предприниматели, осуществляющие транспортные перевозки, большинство работников рынков. В этом году эту работу продолжим, к сожалению, (смеется) база роста есть. И в торговле, и в строительстве, и на транспорте, и в сфере услуг, и в сфере туризма. Ну не может в республике с трехмиллионным и очень активным населением быть всего полмиллиона официально работающих.

Помимо борьбы с «тенью», мы существенно улучшили нашу законодательную базу в этой сфере – на сегодня она самая

лучшая в СКФО. На этом направлении работаем постоянно. В конце 2016 года, к примеру, приняли закон о государственно-частном партнерстве.

Существенно улучшилась ситуация с выделением земли из резерва муниципалитетов, этот вопрос держит на постоянном контроле Глава республики. Практически все услуги по оформлению и сопровождению малого бизнеса сегодня можно получить в МФЦ.

Уверен, серьезный толчок развитию малого и среднего бизнеса в республике даст постановление Правительства РФ о придании Каспийску статуса территории опережающего развития (ТОР). Многие бизнесмены уже заявили о желании открыть там свой бизнес. Еще одна ТОР может вскоре появиться в Дагестанских Огнях, сейчас завершаем подготовку документов.

Существенным тормозом для развития малого и среднего бизнеса в Дагестане является отсутствие доступа к кредитным ресурсам. Сейчас в республике работают всего два крупных федеральных банка – Сбербанк и Россельхозбанк, а это явно недостаточно. Но и здесь намечается прорыв. Мы, первыми из республик Северного Кавказа, открыли у себя клиентский центр «Почта банка», в июле в Махачкале дополнительно откроется флагманский центр. Это, считаю, окажет существенную помощь в развитии малого бизнеса, поскольку у этого банка есть готовая сеть филиалов – отделения Почты России имеются даже в самых отдаленных селах. В этом году банк начнет обслуживать физических лиц, ну а в следующем организует работу с юридическими лицами. Тут перспективы у нас очень хорошие.

– Ну и последний вопрос. Расскажете о ситуации в топливно-энергетическом комплексе. В частности интересуют причины создания новой компании «Регионгаз Махачкала».

– Эта компания напрямую подчиняется Межрегионгазу, минуя Пятигорск. То

есть одним посредником стало меньше. Кроме того, все кадровые решения теперь будут согласовываться с межведомственной комиссией при правительстве республики. Главная задача новой компании на первом этапе – доведение числа установленных приборов учета до 100%, вместо 56% сейчас. Эти 44% – база для хищений, стоворов и прочих нарушений, которую необходимо ликвидировать. Финансировать программу будет Межрегионгаз за счет собственных средств.

Еще одна масштабная задача – дать газ в населенные пункты, до которых дошли сети, это примерно сотня сел. Начали с Ботлихского района, где газифицировали 8 сел, на очереди Хунзахский, Сергокалинский, Акушинский районы.

Проведена большая работа по оформлению бесхозных сетей. К 3088 километрам «официальных» сетей уже добавлено 1200 километров, в этом году будет оформлено право собственности еще на 2500 километров. Задача такая – после оформления прав собственности на все имеющиеся сети передать их одним пакетом в аренду Межрегионгазу. Это ежегодно будет приносить в бюджет от 700 до 800 млн рублей. Кстати, такая же работа ведется и в энергетическом комплексе республики. В результате совместной работы правительства и муниципальных образований обнаружен 1041 бесхозный трансформатор и 1980 километров бесхозных сетей. Ставим на учет, оформляем право собственности – наводим порядок.

Следует отметить, что в последнее время платежная дисциплина в республике ощутимо улучшилась. Организации, финансируемые из республиканского и местного бюджета, обеспечили платежи и по газу, и по электричеству на уровне выше 100%. По линии ЖКХ платежи достигли 50%, тогда как в 2016 году они составляли всего 20%. Такая вот картина.

Фото: Руслан АЛИБЕКОВ

Тамерлан МАГОМЕДОВ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КАК В ТУМАНЕ

Дагестанские политики скупы на комментарии: «В Манасе сложная ситуация...». Зато московские комментаторы-политологи доподлинно знают, что акции дальнобойщиков проходят по планам американских спецслужб...

Все последствия от введения «Платона» – и позитивные, и негативные, мы еще успеем оценить. Но мы так и не услышали ничего по существу. Так не пора ли нам вернуться от обсуждения глобальных тем к приземленным реалиям, к тому, с чем приходится жить повседневно, бок о бок? Никто не сомневается, что нашей стране брошены серьезные вызовы в международно-политическом, экономическом и экстремистско-радикальном аспектах. Но сохранение институциональных основ невозможно без решения внутренних, проще говоря, бытовых задач. Нельзя укреплять кремлевскую стену, поручив гастарбайтеру замазывать щели жвачкой.

В том, что российские граждане подустали от массированного обсуждения Украины–Сирии и надоевших ведущих,

все больше впадающих в экзальтацию, кажется, признают даже в администрации Кремля. Еще один вектор информационно-идеологических меседжей прочно уперся в официоз от первых лиц государства. Они задают драйв и формируют медиа повестку. Заметно, что и здесь не хватает новых идей и форматов: даже высокорейтинговые прежде эфиры с народом уже не вызывают былого отклика. Длительный период ожидания снижает их медиа эффект, на многие вопросы нужны ответы здесь и сейчас. И как тут, не выходя за «генеральную линию партии», начать внутриобщественный диалог, не превратив его в разговор глухого с немым, – не совсем понятно.

Тем временем избирательная кампания 2018 года фактически стартовала. Несистемная оппозиция эффектно ушла в отрыв – фильмы, акции против коррупции, хулиганские выходки в отношении ее представителей только добавляют им процентные пункты избирательного рейтинга.

А ведь за лидерами оппозиции выстраиваются те, кто хотел бы попасть в

отблески славы нового «мессии», слабо разбираясь, куда и зачем их ведут. Желание стать новой движущей силой, новой когортой элиты толкает на все более публичные и резкие формы самовыражения. Вина ли в этом только оппозиционеров или имеются «перегибы на местах»? Последние посадки и «горячие» замены губернаторов показывают, что в стране далеко не все благополучно, что вертикаль власти требует серьезной вдумчивой модернизации, основанной на консенсусе широкого круга общества, на обновлении элит. Процесс тяжелый, болезненный, но разве можно исцелить серьезный недуг одними припарками и кровопусканиями?

И здесь опять приходится возвращаться к поиску и выбору своего пути. Но из чего выбирать? Предложений либо попросту нет, либо нам за информационным шумом не слышно голосов серьезных российских ученых, философов, писателей – тех, кого принято считать властителями дум. Мы опять талдычим извечное «Что делать?», и не находим ответа. Нет в информационном пространстве внятных разумных идей, толковых предложений. Все то, что приходит на ум, есть продолжение, компиляция, переработка багажа, собранного на рубеже 90-х годов. Да и персонажи, продвигающие их, в значительной мере укрепившиеся в тот период, похоже, выходят в тираж.

Налаживание внутриобщественного диалога невозможно без секторальной либерализации масс-медиа. Табу и ба-

рьеры вычерчивают из воли свободу, не давая ей возможности стать анархией и силой угнетения. Справятся ли нынешние маститые мэтры с новой повесткой или их нужно готовить к заслуженному дембелю? И где искать арбитров, которым можно доверить провести черту между свободой слова и словесной вседозволенностью, заступать за которую не позволено никому?

Наши медиа последовательно прошли по двум крайностям – от заржавевшего социализма до дикого капитализма, хотя куда не делись люди, их и строившие, и ломавшие. Сегодня СМИ бредут по дороге, не имея четкого понимания цели. Заметно, что дорога эта крива и ухабиста, наводя на мысль, что пора бы начать строить современную трассу.

Не только чиновничий диктат и прокрустова цензура губят современную журналистику. Поклонение мамоне и мессианская болезнь, грубость, бескультурье, непрофессионализм никак не добавляют доверия обывателей к журналистской братии. Человек может чего-то не знать, готов многое простить, но он остро чувствует и реагирует на фальшь и пренебрежение к себе.

Отсутствие полноценного дискурса в традиционных СМИ заместила сетевая журналистика. Этот сегмент растет и трансформируется. Каждый может найти «свою» информацию или поделиться ею в фейсбуке, инстаграме, ЖЖ-комьюнити или твиттере. Пока это пространство не

упорядочено – этакий фронт Дикого Запада: новая жизнь, новые возможности, законы устанавливает сильнейший, и ты тоже можешь стать легендой.

Нет, можно отгородиться, как китайцы, Великой стеной или интернет-файрволом. Правда, преграды никогда не останавливали варваров, разрушавших некогда великие и сильные цивилизации. Или собственные маргиналы и вечные революционеры, требующие сверхрадикальных решений. Но большинство порой просто хочет быть услышанным, получить адекватную реакцию, договориться, в конце концов. А без полноценного общения людей и власти, в том числе через сетевые площадки, добиться этого никак не получится.

НЕ НАДО БОЯТЬСЯ

Когда-то Д. Оруэлл попытался испугать мир Большим братом, который видит все. Современность превзошла все его страхи. Большой брат видит больше, чем может, просто потому, что мы сами все показываем ему. Малейшее событие, действие, предпосылка запечатлеваются на смартфон и тут же выкладываются в интернет.

Психологи твердят о необходимости сохранения неприкосновенности личного пространства, но практически везде нас сопровождают различные гаджеты, не оставляя практически места для сакрального, личного. Мало того, сегодня смартфон или социальная сеть становятся реальным оружием расправы над личностью, не говоря уже об информационной или гибридной войне. Ты должен быть всегда настороже, ждать, что тебя могут незаметно запечатлеть смешным, слабым, в самой идиотской ситуации.

Загоняя друг друга в тупик, не давая возможности быть самими собой, мы не добавляем аргументов для выстраивания диалога. Право на интернет-забвение не может стать панацеей. Снова неясно:

где проходит граница личного и общественного пространства; о чем должен знать каждый про каждого, а что является несомненным правом на личную жизнь; что должно стать достоянием общности, а что только воспоминанием, – шикарный корпоратив за казенный счет или уморительные танцы приятелей на дне рождения?

Стремление к самовыражению легко деградирует до 15 минут славы, погоне за лайками и репостами. Да и здесь можно не стараться: набираешь в друзья побольше подписчиков и тут же становишься значимой персоной, чье мнение начинает влиять на отношение к событию или материалу. Это нормально, пока не превращается в поклонение неведомым богам и силам на всякий случай, а то мало ли что...

«Золотая молодежь», выкладывающая в Сеть безбашенные поездки на шикарных авто и сцены унижения нижестоящих, и активисты «Стопхам», постепенно закипающие от попыток объяснить, что правила ПДД и человеческого общежития несомненны для всех: без поправок на дорожной прикид, марку машины или еще каких личных представлений о «крутизне».

Синий кит и детский суицид – две вещи, несовместимые в природе, – сегодня стали причинами для паники родителей. Выражение «Самоубийство – это высшая форма проявления самовыражения личности» придумал трус и подлец. Толкать подростков на подобное – это извращенная мерзость, которая должна быть наказана и пресечена.

В детстве ребенка учат: не общаться с незнакомыми, не ходить с ними, не брать подарков от посторонних, остерегаться чужих. Да и взрослым не стоит терять чувство самосохранения. Только не надо впадать в крайности. Хотя бы потому, что – если помните – в Питере первыми в метро на помощь пришли незнакомцы.

**Большой брат видит больше,
чем может, просто потому, что
мы сами всё показываем ему**

Амин АМИНОВ

ДИАЛОГ

ПО ПРАВИЛАМ

После статьи Саида Ниналалова «СМИ и общество» (№ 2'17) мне захотелось поделиться своими мыслями о роли средств массовой информации, зонах риска в современной журналистике, месте скромных муниципальных изданий в широком информационном потоке.

Сегодня руководство республики считает журналистское сообщество одним из главных институтов гражданского общества. По крайней мере, я согласен с этим утверждением: формат взаимодействия СМИ, власти, правоохранительных органов меняется в лучшую сторону.

Конечно, не надо забывать, что важнейшей остается и тема безопасности работников информационного пространства. Раскрытие резонансных преступлений в отношении журналистов – следующий шаг в направлении налаживания диалога с властью. А диалог – это всегда разговор по правилам, справедливым и обязательным для обеих сторон. Если, конечно, государство не заинтересовано оказаться в положении «вне игры», вне информационной игры!

Вот почему журналисты должны чаще встречаться в одной компании с чиновниками и учеными, совместно обсуждать волнующие население проблемы, отражать в своих средствах реально происходящие в нашей республике процессы. Если будет достигнуто взаимное доверие, то для власти СМИ станут союзником в деле популяризации своих стратегических и тактических задач, точном информировании относительно того, что удастся сделать, а что еще требует дополнительных усилий и резервов. Хотя порой, критикуя власть,

наши журналисты даже не догадываются о том, на каком уровне и в чьей компетенции должны и могут приниматься те или иные решения.

Как говорит секретарь Союза журналистов РФ Павел Гутионтов, блогеров не опередишь. Поэтому надо учитывать происходящие процессы, отбрасывать старые стереотипы восприятия, подходы. Но одно должно оставаться неизменным – журналистика факта, объективности, непредвзятости. И речь не только о новых формах подачи, но и о качестве информации. Журналистика факта и журналистика правды никогда не противоречили друг другу. И апеллируя к здравому смыслу и к эмоциям читателей и зрителей, мы не должны забывать об этом.

Сохранение действенной, актуальной прессы – обязанность государства. А между тем, во многих регионах страны пришедшие к власти губернаторы закрывают газеты, создают одно областное издание, которое в исключительно комплиментарном тоне вещает о том, как государство и первое лицо региона заботится о людях. В качестве реплики – в Дагестане, к счастью, этого не происходит. При наличии многих проблем в информационной сфере газеты, телестудии, радиостанции имеют разных учредителей, которые предоставляют редакциям оборудование, помещение,

финансы, многообразные формы собственности. Этот фактор, хотя бы косвенно, способствует развитию свободы слова, расширению полифонии независимых мнений без оглядки, как это было в советские времена, на одного-единственного и главного читателя – обком партии. То есть, легко убедиться – лучше, когда у СМИ много хозяев, нежели один, как раньше.

Теперь о сложностях. После принятия закона о персональных данных увеличилось количество претензий героев публикаций по поводу вмешательства журналистов в их частную жизнь. Весьма серьезный конфликтогенный пласт – это раскрытие охраняемой законом тайны, а таковой может быть банковская, адвокатская, нотариальная тайна, тайна усыновления и т.д. Причем виновными зачастую становятся журналисты.

Есть моменты, когда журналисту не следует перекаладывать свою вину на кого-либо еще. Так, нарушение авторских прав все чаще становится предметом судебных разбирательств. Причем сами СМИ неохотно пишут о несоблюдении

авторского и смежных прав. Наблюдается высокий уровень плагиата в текстах, незаконное использование фотоиллюстраций из банков данных

медиа-компаний, интернета. Подобные нарушения могут повлечь штраф в отношении редакции в размере от 10 тысяч до 5 миллионов рублей. Ни у одного из печатных СМИ нет лицензионного договора с РАО, то есть договора, который будет предоставлять на законной основе разрешение публиковать материалы, например, из Сети.

И наконец, особая зона риска – это дела по экстремизму и разжиганию национальной, социальной, религиозной розни и вражды. И это становится весьма модным брендом в борьбе с критическими высказываниями в СМИ.

Несколько слов о муниципальных изданиях. Они находятся, образно говоря, «в шаговой доступности» к населению, они освещают реальную жизнь людей. Считается, что показателем уровня успешности издания является его тираж. Если так, то, к примеру, цумадинская районная газета, имеющая тираж 3,5 тыс. экземпляров, является популярной среди сельчан, значит, она востребована. Говорить о кончине муниципальных СМИ преждевременно, следует искать новые и эффективные формы работы. Думаю, что таким новшеством может стать создание сайта газеты, с которым могут знакомиться даже дагестанцы, находящиеся за пределами республики. Сколько «кликов», столько и электронных подписчиков. Вот вам и тираж!

Возможно, станет реальностью и создание медиацентров, включающих в себя редакцию газеты, местное ТВ, радио и сайт. Такие есть, например, в Кизляре – МБУ «КИЦ» городского округа г. Кизляр. Муниципальные СМИ в Дагестане – это еще и возможность сохранения родного языка. Не надо убе-

ждать никого в том, насколько это важно для сохранения историко-культурного наследия народа.

Нельзя также забывать писать о людях с интересными судьба-

ми: сегодня, как никогда, нужны жизненные истории успеха в самых разных сферах. Мне кажется, читателям нравятся материалы журнала, рассказывающие о московских, калужских, ивановских и ярославских дагестанцах, сделавших сами себя, ими может и должна гордиться республика. Да и в самом Дагестане много талантливых людей, заряженных на созидание, которые становятся центром притяжения всех здоровых сил общества. Нужны грамотные управленцы, могущие вывести республику из экономической депрессии. Вот о ком и о чем надо писать!

КАЛА-КОРЕЙШ: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Когда мы говорим о современных технологиях, то имеем в виду нечто из области прорывов в условное «будущее». Хотя в нашем случае все ровно наоборот: в прошлом году благотворительный фонд Зиявудина Магомедова «Пери» завершил свой первый проект по программе «Культурное наследие», сделав 3D оцифровку Кала-Корейша.

Что это такое, мы и хотели бы рассказать в серии публикаций. Но сначала – о самом Кала-Корейше.

ОЦИФРОВАННАЯ

ПАМЯТЬ

Светлана АНОХИНА,
Яна МАРТИРОСОВА

Когда-то сильный и прославленный, а ныне безлюдный и полуразрушенный, он стоит особняком в перечне архитектурно-исторических памятников Дагестана. Расположен на вершине крутой горы, чьи склоны прорезаны двумя глубокими ущельями, по дну которых текут Буган («Большая река») и безымянная речка.

Своими мавзолеями и башнями, мечетями и саркофагами, надгробьями и стелами Кала-Корейш врос в раннее средневековье и фактически остался в нем, пребывая в особом измерении, где густое время течет медленно и неторопливо.

И хотя совсем близко от него проходит дорога, соединяющая районный центр Уркарах и златокузнечные Кубачи, современности, с ее бешеным ритмом, сюда не дотянуться.

С внешним миром Кала-Корейш соединен только перемышкой длиной в 40 и шириной в 5 метров. Город был выстроен как крепость; узкая тропинка над крутым, почти отвесным обрывом «Магакатт» ведет к единственному воротам, которые запирались при малейшей опасности. А высокие двухэтажные дома, глухой стороной обращенные к ущельям, и система оборонительных и сигнальных башен делали его практически неприступным.

В рассказах о Кала-Корейше смешались эпохи, правители, быть и небыть. По преданию, люди в здешних местах поселились еще в незапамятные времена, чуть ли не сразу после Всемирного потопа, когда окрестные скалы еще омывали морские волны. И до сих пор, якобы, среди скал, обступивших город-крепость, стоит одна с вмурованным в ее тело огромным железным кольцом, – чтобы крепить канатами причалившие к берегу корабли. И жил тут, как рассказывают, мужественный и свободолюбивый народ, подчинявшийся лишь совету старейшин, который

избирался заново каждый год. Много раз соседи пытались его завоевать, но ущелья были глубоки, стены высоки, ворота надежны, и часовые на башнях не дремали. И только арабам удалось его покорить. После битвы, в которой полегли почти все защитники города, оставшиеся в живых приняли религию завоевателей. И с этого времени, как гласит легенда, город стал называться Кала-Корейш.

Но это всё легенды, а вот то, о чем можно говорить с большей уверенностью – Кала-Корейш (или УркМуц, как называли его кайтагцы) был столицей Кайтагского феодального владения и резиденцией кайтагских правителей-уцмиев. Самые ранние упоминания о Кайтаге встречаются в трудах арабских историков IX-X вв. ал-Йакуби, ал-Белазури, ат-Табари, ал-Куфи и анонимного автора «Худуд ал-алам» («Пределы мира»), написанного по-персидски. Но события, описанные там, относятся к VI-VII вв., времени арабских походов на Дагестан. Точнее, к тому периоду, когда арабы под предводительством Масламы уже

укрепились в Дербенте и оттуда стали продвигаться вглубь Южного Дагестана, утверждая там свою религию и своих правителей.

В те времена в Дагестане не было единого центра, и Кайтаг, который в арабских хрониках назван Хайдаком, выступал как самостоятельное государство, ведущее свою независимую политику. В хронике «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи подробно рассказывается, как арабы покорили Кайтаг, убив его правителя Газанфара, чье место занял эмир Чуфан, один из потомков Хамзы, дяди пророка. Он и основал в Кайтаге «большое число многолюдных селений, а своей резиденцией выбрал город Кала-Корейш», или Крепость курейшитов, названный так в честь победителей – арабов из племени курейшитов, к которому принадлежал и сам пророк Мухаммад.

Доисламская история Кайтага слилась с новой, и Кала-Корейш стал одним из крупнейших исламских центров Дагестана, откуда газии (борцы за веру), мусульманские законоведы и богословы продвигались дальше, осваивая новые пространства. Однако, по некоторым сведениям, ислам исповедовали только уцмий и его семья. В записках арабского ученого-энциклопедиста Ибн Руста, относящихся к первой половине X века, есть любопытнейшее упоминание о правителе города Хандан (речь о владении Хайдак). Этот «правитель, – пишет Ибн Руста, – придерживается трех религий, по пятницам молится с мусульманами, по субботам с евреями, а по воскресеньям – с христианами».

Одним из самых прославленных и влиятельных уцмиев Кайтага был Рустамхан, составивший в первой половине XVII века свод законов, регулирующих взаимоотношения между разными сословиями и жителями селений. В нем говорилось «государству без правителя, Дарго без суда, стаду без пастуха, войску без разумной головы никогда не быть». Он, как и его внук Ахмед-хан, погребен в мавзолее уцмиев в Кала-Корейше.

О Кайтагском уцмийстве писали и немецкий ученый Адам Олеарий, и знаме-

нитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавшие в Дагестане в XVII веке. А Иоганн Густав Гербер, принимавший участие в Персидском походе Петра I в 1772 году, оставил подробное описание «народа Карахайдаки», «особливого хайдацкого языка», уцмий и его власти, а также «деревни великой, крепкой и сильной... Кара-Гураш».

Но незадолго перед этим, а точнее в середине XVIII века, «крепкий и сильный Кара-Гураш», как и большая часть Дагестана, был измотан и обескровлен битвами с многотысячным войском под предводительством иранского полководца Надыр-шаха.

Однако скоро Надыр-шах был разгромлен, а в 1812 году последний уцмий Кайтага Адиль-хан в сопровождении

или молитвенной ниши в стене, обращенной к Мекке. В отличие от самой мечети, которая построена из местного рваного и речного камня, михраб вырезан из штукатурки – пластичной смеси гипса и алебастра. Эта деталь, нехарактерная для традиционной культовой архитектуры Дагестана, свидетельствует о проникновении на его территорию культуры Ирана и Средней Азии. К сожалению, во время одной из реставраций михраб был поврежден.

Самый страшный удар по Кала-Корейшу

почетных старшин всех даргинских обществ прибыл в Дербент, чтобы присягнуть России.

Детальное изучение уклада жизни и архитектурно-исторических памятников Кала-Корейша началось позже, во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны. Ранее закрытые, а потому и малоизученные территории Дагестана манили исследователей, привлекали пестрым разнообразием культуры, природы и языков. В 1861 году знаменитый российский ученый академик Борис Андреевич Дорн побывал в нескольких дагестанских аулах, в том числе в Кала-Корейше. Дорн писал: «мы остановились на ночлег в кайтагской горной крепости Кала-Курейш... здесь находилось прежде место пребывания уцмиев, на открытом кладбище я видел гробницы Ахмед-хана, Мухаммед-хан-бен-Ахмед-Султана, Эмир Хамза уцмий бен Мухаммед бен Ахмед-хан уцмия и Рази-уцмия бен Хан-Мухаммеда».

Помимо пантеона кайтагских уцмиев, ученый в подробностях описал Джума-мечеть Кала-Корейша, одну из самых древних в Дагестане. Дорн был первым, кто отметил уникальность ее михраба,

был нанесен в 1944 году, когда его жители были насильственно переселены в Чечню, в опустевшие села депортированных чеченцев. И вернуться в Дагестан они смогли только через 10 с лишним лет – после смерти Сталина. Однако осели на равнине, будто считали, что не смогут вновь жить в Кала-Корейше как хозяева, достойные его славы и прежнего величия.

Так опустел этот когда-то могущественный средневековый город. Время и природа источили его мавзолеи и башни; богато изукрашенная резьбой дверь в мечеть была передана в Дагестанский объединенный историко-архитектурный музей им. Тахо-Годи, а с 2006 года и сам Кала-Корейш стал филиалом этого музея. Сейчас тут живет один человек, он же хранитель стен и духа Кала-Корейша. Магомеду Рамазанову 79-й год, он живет в родовом доме, который сам же и отремонтировал. Встает он рано, часов в пять. Заваривает чай, неторопливо завтракает и, открыв дверь, шагает за порог.

Обход начинается с центральной улицы. Он идет, поглядывая на остовы домов односельчан, – во многих Магомед бывал

еще ребенком, шепчет имена и прозвища – Мази, Чанка, Бажацы, Воркуна... Вернувшись домой, он аккуратно запишет все, что вспомнил, и на нарисованном от руки плане селения отметит, кто где жил.

Еще нужно зайти на кладбище рядом с домом, там 39 могильных надгробий с арабскими именами – Магомед никак не может их запомнить, следом – мавзолей, где похоронены четыре уцмия и имам, Джума-мечеть, которую он пытается «реставрировать» своими силами. Зимой он живет тут в совершенном одиночестве, а весной и летом передохнуть бывает некогда – туристы. Со всех краев света – разноязыкие, разноплеменные – они приезжают в Кала-Корейш, и тогда Магомед становится экскурсоводом, рассказывая и про уцмиев, и про набеги соседних племен, и про могилу, в которой похоронены те, что когда-то в древние времена спасли город. По преданию, во время одного из набегов кубачинцев, их передовой отряд наткнулся на девушку с собакой, вышедших за городские ворота. Серьезный отпор ни девушка, ни ее пес дать врагу, конечно, не могли, но сражались, как умели. Крики и лай были услышаны в городе, и перед кубачинцами оказался не застигнутый врасплох, а готовый к обороне город. Ну а после разгрома врага девушку и ее собаку похоронили там же, где они были убиты.

Но, кроме туристов, в Кала-Корейш приходят еще и паломники. Для многих верующих это место остается сакральным. Зияратом, куда приходят для поклонения святыням. И если туристы могут себе позволить подъехать к селу на автомобилях, то паломники должны подняться на гору сами.

И вот тут начинают странности. Говорят, все зависит от чистоты сердца и

намерений. Случается, что молодые и полные сил люди могут подвернуть ногу на ровном месте или их замучает одышка, а совсем дряхлый старик, которого привели под руки внуки, шагает вверх по склону легко, как юноша. А еще рассказывают, бывало, что заночевавшему в Кала-Корейше и проснувшись на рассвете человеку чудятся звуки битвы, лязг железа, крики умирающих, и в тумане, что под утро окутывает Кала-Корейш, смутно видятся фигуры с мечами в руках и оскаленные морды лошадей.

Магомед с этим не спорит, как не спорит с легендой о море, что доходило до стен Кала-Корейша, и кораблях, стоявших на причале.

«А как не верить? Я помню, когда нас переселяли, – рассказывает Магомед, – сняли дверь мечети, положили на арбу и, не дойдя до речки, бык умер. Потом человек из соседнего села забрал все перемычки, разрушил стены, на ишака погрузил, и тоже упал, и умер, не дойдя до речки. Ишак пришел домой. Скорее всего, село не давало из себя ничего вывозить, оно как бы заговоренное».

Вполне может быть, кстати. Это такое место, заповедная область, где время загустело, как варенье, и современность, потолкавшись у перемычки, соединяющей Кала-Корейш и внешний мир, поворачивает вспять.

ОЖИВШИЕ

КАМНИ

Полина Филиппова, исполнительный директор благотворительного фонда Зиявудина Магомедова «Пери» – о конфузе на Трафальгарской площади и о том, что общего между гробницей фараона Сети Первого, фресками Дионисия и надгробными плитами древнего дагестанского села:

– Насколько я знаю, стартом для этой истории стала невероятная цепь совпадений.

– Не совсем так. Я бы исключила отсюда слово «совпадения», все произошедшее не случайно. На самом деле, жизнь часто дает подсказку тому, кто долго и упрямо ищет свой путь. Как это ни странно, легенду о том, что высоко в горах Дагестана расположено древнее поселение корейшитов, мы впервые услышали от западных коллег и...

– ...прямо сразу отправились туда с намерением все заснять и оцифровать? Кстати, а что уже сделано с помощью этой оцифровки и так ли она необходима?

– Ну, к примеру, с помощью 3D оцифровки (а она позволяет сделать точную копию любого культурного объекта) воссоздана гробница Тутанхамона. Обратите внимание, я делаю акцент на слове «точную». В прошлом году в Лондоне разразился скандал. На Трафальгарской площади установили копию арки Пальмиры,

взорванной террористами. Но воспроизводили ее по не слишком точным фотографиям. И получилось нечто «по мотивам», с искаженными пропорциями и орнаментом. Возмущенные специалисты назвали это фальсификацией.

И тут проблема посерьезнее, чем неудавшееся шоу. Ведь наследие Востока в свое время было разграблено, многие артефакты ушли в частные коллекции, и к ним нет доступа. Или, к примеру, в одной из египетских пирамид в Долине фараонов находится гробница Сети Первого. Последние 40 лет она закрыта, ведь поток туристов нарушает и температурную, и световую, и кислотную среду, от которых зависит сохранность этого исторического объекта. Следовательно, любому, кто интересуется культурой Востока, в лучшем случае, приходится довольствоваться копией, за чье соответствие оригиналу нельзя поручиться.

– Полина, извините, но мы настолько привыкли довольствоваться симулякрами, что не вижу тут особой беды.

– Боюсь, что ученые, а также студенты, изучающие культуры минувших веков, с вами не согласятся. Им как раз нужна подлинность. Есть и еще одно обстоятельство. Зачастую человек, пришедший в музей, видит только фрагмент артефакта. Во многих мировых музеях стоит одинокая какая-нибудь колонна, и мы совершенно не понимаем, частью чего она является. А мы можем не только воссоздать памятники материальной культуры, но и соединить расчлененное в целое. И, увидев все в полном объеме, восхититься красотой и величием замысла.

– **Слушайте, а мне вдруг сделалось так приятно, что рядом с гробницами фараонов встал как равный наш Кала-Корейш.**

– Ну, когда в декабре 2015-го года мы пестрой интернациональной компанией отправились в Кала-Корейш, было очень скользко, висел туман и полной уверенности, что я иностранных коллег доведу и сама доеду, у меня не было. Но, так или иначе, мы добрались до этого заброшенного селения, и увидели, насколько это необычное интересное место уязвимо. Да, там нет вандалов, но есть воздействие среды – не менее губительное. Уникальные надмогильные плиты с высеченными на них именами уцмиев, нерасшифрованные еще письмена на них, артефакты исламского и доисламского периодов – они разрушаются. А в придачу еще и люди, что из самых лучших побуждений пытаются что-то спасти, не имея ни специальных знаний, ни аутентичного образца перед глазами. Та же мечеть, которую восстанавливали, не очень представляя, как же она выглядела, уже практически потеряна как исторически значимый объект.

Но кое-что все же осталось. Например, деревянные двери этой мечети сохранились и сейчас находятся в одном из музеев Махачкалы. Они уникальны. Хотя Кала-Корейш и считается центром, откуда ислам

распространялся по селам Нагорного Дагестана, но само поселение имеет более древнюю, доисламскую историю. Есть легенда, что двери эти, на которых, вопреки исламским запретам, вырезаны животные, раньше были то ли в зороастрийском, то ли в христианском храме, откуда и были перенесены в мечеть.

– **Погодите, так может быть тут какая-то новая удивительная история, и если ее разгадать...**

– Пока мы можем говорить только о легенде. Возможно, тут не доисламская, а персидская традиция, в которой не возбраняется изображение живых существ. Честно говоря, мы даже не ставим перед собой задачу найти точный ответ. Мы просто создаем базу, делаем эти объекты доступными для ученых и тех, кто интересуется историей.

Кстати, эти двери произвели на наших испанских партнеров такое сильное впечатление, что они их полностью оцифровали, и сейчас уже вырезана из дерева их копия. Но, прежде чем ее поднимут в горы и поставят на законное место, мы хотим в разных странах сделать несколько выставок, которые расскажут о Дагестане, истории Кала-Корейша и населявших его людях.

Вот так после первой экспедиции, мы решили, что это именно то, что нам нужно. Объявили конкурс, отобрали двух молодых дагестанских фотографов.

– Да, я помню, Шамиль Гаджидадаев и Гена Виктор, они в соцсетях размещали фоточки из Мадрида и

как-то очень туманно объясняли, что же они там делают.

– Они учились. Два месяца. А как только вернулись, сразу поехали в горы, снимали и оцифровывали каждый камешек, каждую надмогильную плиту в Кала-Корейше. Сейчас работа уже закончена, сведение материалов закончено, осталось устранить мелких огрехов. Мы планируем выставку на основе того, что они оцифровали; в Санкт-Петербургском Европейском университете будет конференция по Кала-Корейшу. Ведь не каждый, даже приехав в Дагестан, доберется до него. Но рассказать, показать его миру чрезвычайно важно.

А из истории с Кала-Корейшем вырос сначала проект по оцифровке всех памятников этого села, а после мы волились в большую программу «Культурное наследие 2.0».

– То есть, на Кала-Корейше вы не остановились?

– Ребята продолжают работать в Дагестане, но уже над другими объектами. А когда мы стали разговаривать на феде-

ральном уровне со специалистами в области сохранения культурного наследия, нам перечислили огромное количество объектов, которые нуждаются в оцифровке. Советник президента по культуре Владимир Ильич Толстой обратился к нам с просьбой поработать в Ферапонтово. Там стоит храм Рождества Богородицы с удивительными фресками Дионисия. А еще есть новгородские раскопки и многое, многое другое, что необходимо задокументировать.

– Полина, но тут только начни, и окажется, что и вон то нуждается в сохранении, и вот это, а там, за углом еще удивительные артефакты, и тебя теребят за рукав, требуют, чтоб именно этими объектами занялись в первую очередь.

– Да, мы можем оцифровывать несколько объектов в год, не больше. Поэтому планируем организовать Всероссийский конкурс, отобрать те объекты, что представляют особую культурную ценность, но требуют немедленного вмешательства для их сохранения. И чтобы все нами спасенное и задокументированное,

оцифрованное стало всеобщим достоянием, мы сейчас создаем сайт, который будет интегрирован в международную и российскую сеть программ сохранения культурного наследия.

– Я только «за», но часто доводилось слышать, мол, да, это чрезвычайно важная работа, но мир устремлён в будущее, а мы, заикнувшись на прошлом, безнадежно от него отстаем.

– А не нужно отставать. К примеру, Амстердамский королевский музей, выложив всю свою коллекцию в открытый доступ, объявил конкурс для молодых художников. И это конкурс не на слепое копирование шедевров, а на их вживание в сегодняшнюю реальность, актуализацию культурного наследия.

И мы наметили для себя точно такой же путь.

МАГИЯ МЕСТА

Ева Розенталь, представитель компании «Factum Arte» – о том, как Люсинда поможет сохранить уникальные рукописи, о домашней сметане и радуге над Кала-Корейшем:

– Основатель компании Адам Лоу по профессии художник, и первоначально «Фактум Арте» была своего рода медиатором между художниками и современными технологиями. В скором времени все музеи, которые сегодня, может, и не слышали о подобном, должны будут начать оцифровывать свои коллекции,

чтобы сохранить их для последующих поколений.

При копировании мы используем самые разные приборы. Что-то разрабатываем сами, а что-то берем уже в готовом виде. Например, сканер Люсинда – это полностью наше изобретение для оцифровки рукописей. Но иногда в процессе выясняется, что ее возможности недостаточны для детальной оцифровки каких-то поверхностей. И тогда мы используем и лазерный сканер, и фотограмметрию.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, с которым сотрудничает «Пери», в итоге получил технику, разработанную нами специально для их нужд. Одно из требований – легкость перевозки из района в район во время длительных экспедиций.

У нас несколько целей. В первую очередь, мы хотим сохранить объекты культурного наследия для последующих поколений, потому что ничего в этом мире не вечно. Мы даже специально ездим в такие регионы – регионы «высокого риска». И дело не только в войнах, междоусобицах, террористах, но и в том, что далеко не все страны имеют финансовую возможность

сохранить такие важные для всего мира объекты. Когда люди просто стареют и не умереть с голоду, чаще всего их культурное наследие оказывается заброшено, и со временем может исчезнуть. А этого допустить никак нельзя.

Фонд «Пери» очень хотел, чтобы наше сотрудничество началось именно с Кала-Корейша. Конечно, ехать в Дагестан, чего скрывать, было страшно: новости о каких-то инцидентах с местными радикалами не вдохновляют. Но тут я быстро поняла, что все, конечно, не так плохо. За все время, что мы были в Дагестане, ни разу не почувствовали какой-либо угрозы. А уж когда я попала в Кала-Корейш, то меня прямо накрыло магией этого места. Мы ночевали в домике для паломников. Ночь, которую мы провели там, я все время вспоминаю. Это было так прекрасно – стать причастной к этой древности, к этому укладу жизни, бродить там, гулять, собирать цветы. Я даже не могу сравнить это чувство с чем-то из своих других поездок.

Да, село как будто отрезано от мира, но там внутри ты чувствуешь не изоляцию, а именно покой. Да, далеко от

цивилизации, нет удобств, но это такое колоритное, теплое доброжелательное место.

И туманы, невероятные туманы, которые окутывают село буквально за пару минут. Утро может быть невероятно солнечным, ясным, а потом раз – и пелена как стена, ничего не видно.

В Кубачи на завтрак нас кормили молочным супом. И я объедалась домашней сметаной. Каждое утро по пиале сметаны с хлебом. Дагестанская кухня, конечно, потрясающая. Где бы мы ни ели, везде было вкусно. Курзе с крапивой еще запомнились!

Однажды в село пришла группа женщин преклонного возраста. Они совершали

паломничество, уже неделю передвигаясь от места к месту, – где на машинах, где пешком. И в Кала-Корейш они поднимались своими ногами, а это очень непросто. Появлялись постепенно: сначала одна, потом еще две, потом еще три, потом – спустя 20 минут – подошли еще десять. Собрались, помолились. Они мне казались какими-то невероятными, в традиционных

длинных платьях, платках. И вдруг одна из них так непринужденно выуживает из кармана супер навороченный смартфон, в сто раз лучше моего, и говорит: «Можно я тебя щелкну на память?»!»

А какую мы там радугу видели! Это было в самом начале. Она была такая яркая, такая близкая, такая цельная – она повисла над долиной, и сквозь нее плыли облака.

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

Магомед Рамазанов, смотритель музея Кала-Корейш – о том, как черти костер палили, как соседей встречали, и о спрессованном времени:

– Уже больше 10 лет я тут смотрителем, живу здесь с февраля до ноября-декабря, в город только за зарплатой приезжаю. А что я там забыл, в этом городе? Я сам механизатор, 30 лет отработал, ушел на пенсию. А в это самое время двоюродный брат, который тут работал до меня, погиб в аварии. И с 2004 года я уже тут вместо него. Немножко странно это, когда твое село, где ты бегал по улицам еще мальчишкой, где жили, ходили в гости друг к другу, смеялись и ссорились твои родственники и соседи, вдруг становится музеем. А ты при нем – как бы охранни-

ком. Хотя сейчас уже не очень странно, привык.

Я живу в родительском доме, отремонтировал там комнату, поставил мебель кое-какую, постель себе, плитку еще электрическую принес, и живу. Утром я встаю в 5-6 часов. Спать неохота, возраст, наверное. Позавтракаю, чай попью и иду... «Обходить» неправильно звучит, я, можно сказать, просто гуляю.

Когда из дома выхожу, обязательно немного стою на пороге. У нас, как и в Кубачи, облака прямо на село ложатся, кто не здешний, думает, что туман, а это облака. Неделю может лежать. Через них смотришь и видишь: прямо – горы, чуть левее – мавзолей, а справа – сад. Я сам его посадил. Там абрикос, черешня, белая слива, айва, дикая вишня, горьковатая такая. Когда весной зацветают, красиво очень, сквозь облако все светится, будто в детстве.

... Рассказывала мать, как раньше жили люди, у нас же труднодоступное село, на покушать трудно было заработать. Наша семья не голодала, у бабушки были свои огороды, людей нанимала, они сеяли пшеницу, убирали, она им платила. Но так не

Фото:
Руслан
АЛИБЕКОВ,
Шамиль
ГАДЖИДАДАЕВ,
Геннадий
ВИКТОРОВ

у всех было. Когда были голодные годы, мужчины заготавливали древесный уголь в лесу и продавали кубачинским и харбукским мастерам, в Амузги. А женщины уходили в соседние села что-то продать, поменять. Дети выходили на окраину села, плакали, ждали мам. У кого вернулась мать, лягут спать сытыми. У кого нет, голодными останутся.

... Я сам мало что помню, нас переселили в Чечню в 44-м, когда мне 6 лет было. Учитель истории в селе был, пока он был жив, мы с ним вместе составили план улиц, имена записали, кто, где жил. Прозвища тоже записали. Рассказывали, что один как-то с кутана ехал на лошади домой и увидел костер. Подъехал ближе, а это черти развели огонь, праздновали. У него с собой было ружье, он выстрелил в огонь и черти разбежались. Бежали и кричали «воркуна-воркуна!». Так и называть его стали – Воркуна.

... Наше село очень старое, Уркмуци называлось раньше, потом пришли арабы. Первыми в Дагестане ислам приняли лакцы; оттуда арабы спустились к кубачинцам – они не приняли; потом спустились в наше село, смотрят, место хорошее,

и обосновались. И название новое дали – Кала-Корейш. Не знаю даже, сколько веков нашему роду, от Амирхана уцмия он идет. Тут его могила. Еще много разных древностей, есть могила, где похоронены вместе девушка, лошадь и собака. Рассказывали старики, что во время пятничного намаза, когда все мужчины были в мечети, на село напали соседи-кубачинцы (они тогда еще ислам не приняли). А первой им встретилась девушка, она лошадь вела на водопой и за ней собака увязалась. Кубачинцы убили их. Женщины увидели это и подняли шум. На шум мужчины выскочили, 40 молодых парней-кубачинцев

убили. Кубачинцы тела забрали, ночью похоронили их в братской могиле. Если кто спрашивал, зачем землю копаете, отвечали, для травы поле делаем. Не хотели признаваться, что у них убито столько людей.

... Я обход начинаю с площадки, что рядом с селом. Потом по центральной улице прохожу. Если где-то есть крапива, то скашиваю, у меня с собой всегда кусок от косы на палке.

Потом по крайней улице поднимаюсь обратно. Смотрю, все ли цело, не обвалилась ли где стена. Затем еще за водой ходить надо, а гора эта, по которой нужно спускаться до реки, как лошадиная спина: тонкая тропинка и с обеих сторон обрывы. Если делать нечего, то ложусь спать после обеда. Потом встаю, ужин приготавливаю, от делать нечего что-нибудь почитаю. В последнее время

по истории книги читаю, раньше особо не интересовался, да и некогда было.

Но так бывает, если людей нет. А сюда же и на зиярат приходят, даже из Чечни приходят, и туристы бывают часто. Когда они приезжают, надо им все показать,

---

Иногда ловлю себя на том, что думаю вслух, будто бы сам с собой разговариваю. А может, и не с собой – с самим селом и говорю. И оно слышит

мавзолеей показать, кладбище, мечеть. Она странная, эта мечеть, снаружи маленькая, а зайдешь – внутри просторно, много места. Один ученый тут был, сказал, что и село такое

– вроде небольшое, а внутри, будто слой на слое. «Спрессованная история» – вот так он сказал.

Но они все уезжают, и я опять остаюсь один, хожу, смотрю, есть ли урожай ореховых деревьев. Иногда ловлю себя на том, что думаю вслух, будто бы сам с собой разговариваю. А может, и не с собой, может, с самим селом и говорю. И оно слышит.

Владимир СЕВРИНОВСКИЙ,
текст, фото

Гений места

ГОЛАЯ

БОГИНЯ

Эрад рыш – дочь бога Эра – нарядно блестела гирляндами, над ней танцевали в воздухе разноцветные шары. Дети поочередно взбирались к богине, чтобы закопать в мерзлую землю конфеты, как их предки закапывали кости жертвенных животных ради хорошего урожая. Особую траву, растущую возле дочери, собирали и курили, чтобы излечить кровоточивость десен. Длинная процессия ждала внизу, на дороге, и «всадники» на игрушечных осликах с фальшивыми ногами по бокам кружились в танце с девушками и детворой. Так было в незапамятные времена, так было и пару лет назад. Ведь скала, именуемая дочерью Эра, стояла над долиной задолго до того, как здесь возникло селение Рутул.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА

В конце марта и начале апреля по Дагестану прокатывается волна праздников весны. Они называются по-разному. В горах на западе республики ликует Праздник первой борозды, на юге и в предгорьях – заимствованный у персов Новруз, у которого здесь не меньше десятка имен – Яран Сувар, Эбельцан, Эвельцан и даже поэтический «День поджога задницы зимы», который отмечают кумыки в Уллубийауле. Большинство «новрузов» проходит с 21 на 22 марта, но некоторые народы отмечают весенний праздник раньше. Среди них – рутульцы, живущие в горах рядом с азербайджанской границей. Они уверены, что их Эр – самостоятельный обряд, который имеет с Новрузом мало общего и восходит к древнему поклонению богу Эру и его дочерям. Красавицы показывались людям только праздничным утром, и только тем, кто просыпался раньше всех в селе. Но бог, как и подобает кавказцу, не одобрял подглядывающих за дочками, а потому напускал на любопытствующих сон. Своей неуловимостью вечно юные богини напоминают дагестанские праздники. Чуть зазеваясь, и очередной редкий обряд исчезает в прошлом, и не вернешь его ни через год, ни через век. А потому я отправился в Рутул, чтобы запечатлеть самый ранний праздник весны, пока еще не поздно.

Эр начинается 17-го марта. Согласно поверью, в этот день первый луч солнца падал на священный камень. Жительницы Рутула готовятся к торжеству заблаговременно. Надо заготовить угощения и испечь лезгинский хлеб – широкую лепешку с множеством дырочек, которые проделывают связкой птичьих перьев. В праздник он особенный – в муку первым делом кидают щепотку сахара, чтобы год был сладким. Хлеб здесь уважают и даже верят, что только его можно класть поверх Корана. Еще недавно круглые лепешки готовили в особых печах с двумя топками – одна пропекает сверху, другая – снизу, но сейчас их заменили газовые печи. Одновременно варится другое праздничное блюдо – суп из зерен пшеницы и бараньих или говяжьих ножек. Раньше рутульцы то ли в шутку, то ли всерьез утверждали, что отведавшего эту похлебку будут преследовать сороки, обиженные на то, что с ними не поделились.

САЛАМ-АЛЕЙКУМ ДЛЯ ВРАГА

Ближе к вечеру в долгий путь по магам селения отправляются зурначи и барабанщик. Рядом за компанию идет седой музыкант Серкер, попыхивая самокруткой с зеленым табаком, который горцы выращивают на крохотных полях. Как и многие рутульцы, сигареты он презирает:

– От этой химии здоровью сплошной вред, а от нашего самосада – только польза!

Спутники уважительно кивают, ведь Серкер – известный потомственный целитель.

– Я – ходячий рентген, – хвалится он. – Любой перелом найду, любую трещину увижу. Мне Аллах это дал. Неверующим не понять. Мусульманин и атеист никогда общий язык не найдут, как пьющий и трезвенник.

Дюжий зурнач на мгновение отрывается от инструмента и услужливо предлагает:

– Хочешь, я тебе сустав выдерну, а Серкер тут же вставит обратно?

К его разочарованию, я отказываюсь, и мы идем дальше.

Позади медленно едет раздолбанная «Лада», в которую виртуозы все чаще заглядывают за рюмкой вдохновения.

– Мой отец тоже был зурначом. Как он умер, меня поставили на его место, – говорит один из музыкантов, вставляя в инструмент обернутый фольгой мунштук. – Если народ забудет свои мелодии, дело закончится войной, как в Сирии или Чечне.

На каждой площади оркестрик останавливается, и рутульцы выходят на праздничную лезгинку. Раньше пляшущие толпы сопровождали зурначей по всему селу, но это давно осталось в прошлом.

– Нынешнее поколение по ютьюбу живет, – жалуется Серкер. – Потанцевали пять минут, сняли на телефон – и хватит...

Зато, как и прежде, всюду шныряют дети с пакетами – заходят в дома, заглядывают в машины, поют праздничную песенку «Эр, Эр, Эрад рыш» про Эра и его дочку, и непременно получают угощение. Когда-то им дарили крашеные яйца, теперь – конфеты и шоколадные батончики.

Солнце стремглав катится за гору, на лужах проступает тонкая пленка льда. Концерт окончен, но музыканты и не думают отдыхать. Отложив инструменты, до глубокой ночи они путешествуют по

домам многочисленных друзей. Столы ломятся от яств – ведь на Эр полагается доесть все запасы прошлогоднего мяса. Стаканы сталкиваются со звоном, а долгим изысканным тостам рутульцев позавидуют иные грузины.

– С Новым годом! – провозглашает Серкер. – Пусть друзья собираются с нами за общим столом, пусть мы сможем сказать врагам салам-алейкум!

Последний пункт особенно важен, ведь Эр – день великого примирения. Считает ли человек себя правым или виноватым, высшая доблесть для него – прийти к врагу, попросить прощения, а потом преломить и съесть вместе краюху хлеба, положив конец взаимной неприязни.

Ночью, как и на Новруз, каждому магалу полагается собираться у костра. Не довольствуясь этим, раньше молодежь воровала старые покрывки, поджигала и спускала с гор. Но сегодня всюду темно – накануне выпал глубокий снег, и никто не хочет возиться с огнем среди льда и жижи.

СЫРНЫЕ ВЕРШИНЫ ХЛЕБНЫХ ГОР

Рано утром сельчане тянутся один за другим к мечетям, неся пожертвования. На расстеленную скатерть бережно кладут лепешки. Женщины рассаживаются вдоль стены, мужчины разрезают кульки и вываливают на груды хлебов шоколадки. Подслеповатый мулла читает по старой книге молитву, и первым получает свою часть садака. Раньше лучшая доля доставалась пахарям и кузнецам – грядущий сев требовал больших усилий. Теперь рутульцы после моллы уважительно одаривают женщин. Вручают хлеб, громоздят на него желтое масло и белый сыр, посыпают лепешки конфетами. Я мечусь с фотоаппаратом среди этого торжества изобилия, а ловкие рутульцы молниеносно суют мне в карманы сладости – от крошечных карамелек до длинных рулетов. Те выпадают, но ближайшие сельчане немедленно подхватывают их и запикивают в чехол камеры, за пазуху и даже, кажется, за шиворот. Недаром в рутульском языке выражение «попасть

на садака» означает «наесться до отвала». Сегодня никто не остается голодным!

Но вот апофеоз праздника позади. Рутульцы расходятся, неся пакеты с угощениями. Музыканты снимают черкески с газырями до следующего праздника. Старый целитель Серкер со вздохом вспоминает былые процессии с ряжеными. Острая скала, символизирующая дочь Эра, на сей раз осталась голой, без гирлянд и воздушных шаров. Никто больше не приносит ей конфеты. Рядом с заброшенным святилищем вырос новый дом. В просторной гостиной с утра до ночи не умолкает телевизор, рассказывая, как жить и во что верить. Прогресс не стоит на месте, и новые идылы куда удобнее старых.

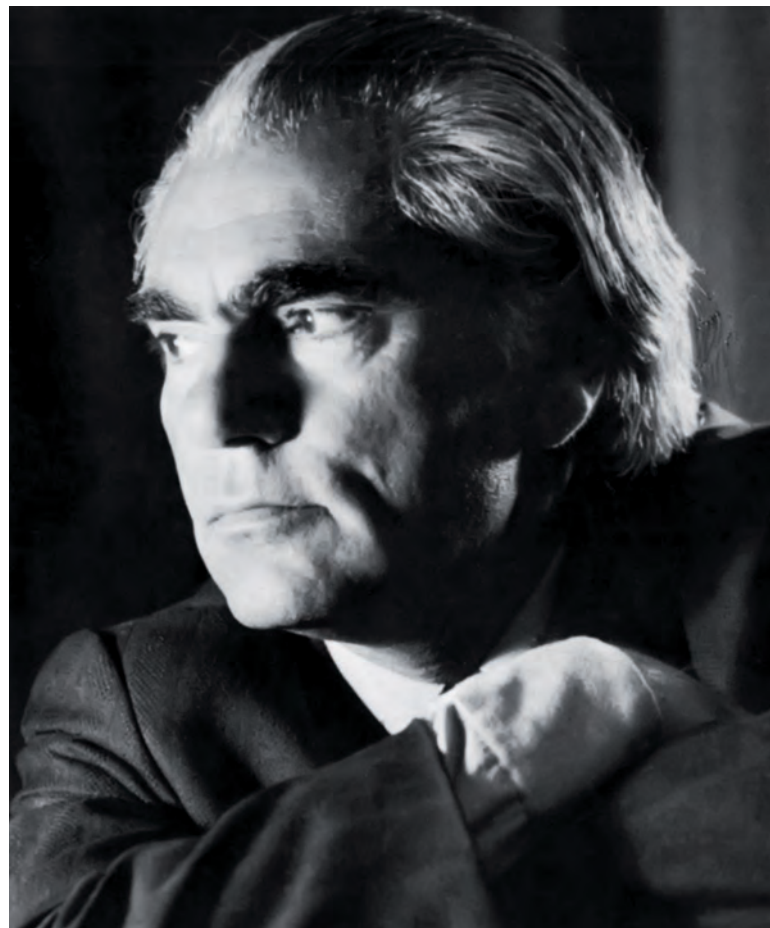
Магомед-Наби ХАЛИЛОВ

ОН ПОСТИГ ТАЙНУ КРАСОТЫ

Героем этого рассказа я встретился впервые в шестидесятые годы прошлого столетия, когда еще работал в кумыкской редакции дагестанского радио. Высокого роста, смуглый, с добрыми карими глазами и густой черной шевелюрой, Салават Салаватов пришел к нам, чтобы рассказать о работе Союза художников Дагестана, который он возглавлял в те годы. Подарил на память одну из своих последних работ, выполненную акварелью. Этот пейзаж потом долго украшал кабинет нашего редактора.

Салават Салаватов родился 21 мая 1922 года в Буйнакске. Когда его отец Магомед устроился полиграфистом в типографию имени С.М. Кирова, семья переехала жить в Махачкалу. Магомед выписывал красочно иллюстрированные художественные книги для детей. Салават, который едва научился читать и писать, так увлекся рисунками в книгах, что стал и сам рисовать, а чуть позже пошел в студию изобразительного искусства при Доме художественного воспитания детей (ДХВД), открывшуюся в Махачкале в 1935 году. Студию тогда возглавлял Дмитрий Акиндинович Капаницын – один из первых профессиональных художников Дагестана, приобщивший к изобразительному искусству целую плеяду наших будущих мастеров. В 30-е гг. его ученики принимали участие во Всесоюзных выставках детского творчества, посвященных юбилеям Пушкина и Горького, экспонировались на всемирных выставках. В 1937 г. в Париже была представлена акварель Салаватова «Аул Чиркей», а его иллюстрации к ранним произведениям М. Горького получили второе место на Всероссийском конкурсе книжной графики. Салават также стал лауреатом Международного конкурса детского рисунка в Японии и был награжден не только дипломом, но и путевкой во Все-

союзный пионерский лагерь «Артек». Это был его первый профессиональный успех. Позже он рассказывал, что вряд ли смог бы профессионально заниматься искусством, если бы не Капаницын: «Мой отец не хотел, чтобы я был художником.

А Дмитрий Акиндинович видел во мне какие-то обнадеживающие задатки. Он несколько раз приходил к нам домой и убеждал родителей: «Вы же губите талант», - говорил он. И перестал ходить к нам только после того, как мне разрешили посещать ДХВД. Дмитрий Акиндинович для меня – институт, он для меня – все».

У Салавата была заветная мечта – получить высшее образование в Москве, но помешала Великая Отечественная: с первых ее дней, не дожидаясь повестки, он добровольно ушел на фронт. В письмах-треугольниках к своим родителям и близким Салават отправлял наспех нарисованные в окопах карандашом зарисовки. В 1944 году при освобождении Донбасса он был тяжело ранен и отправлен на излечение в махачкалинский госпиталь, открытый в те годы в средней школе № 13. Хотя по состоянию здоровья он больше не вернулся на фронт, много рисовал для победы – карикатуры, листовки, плакаты.

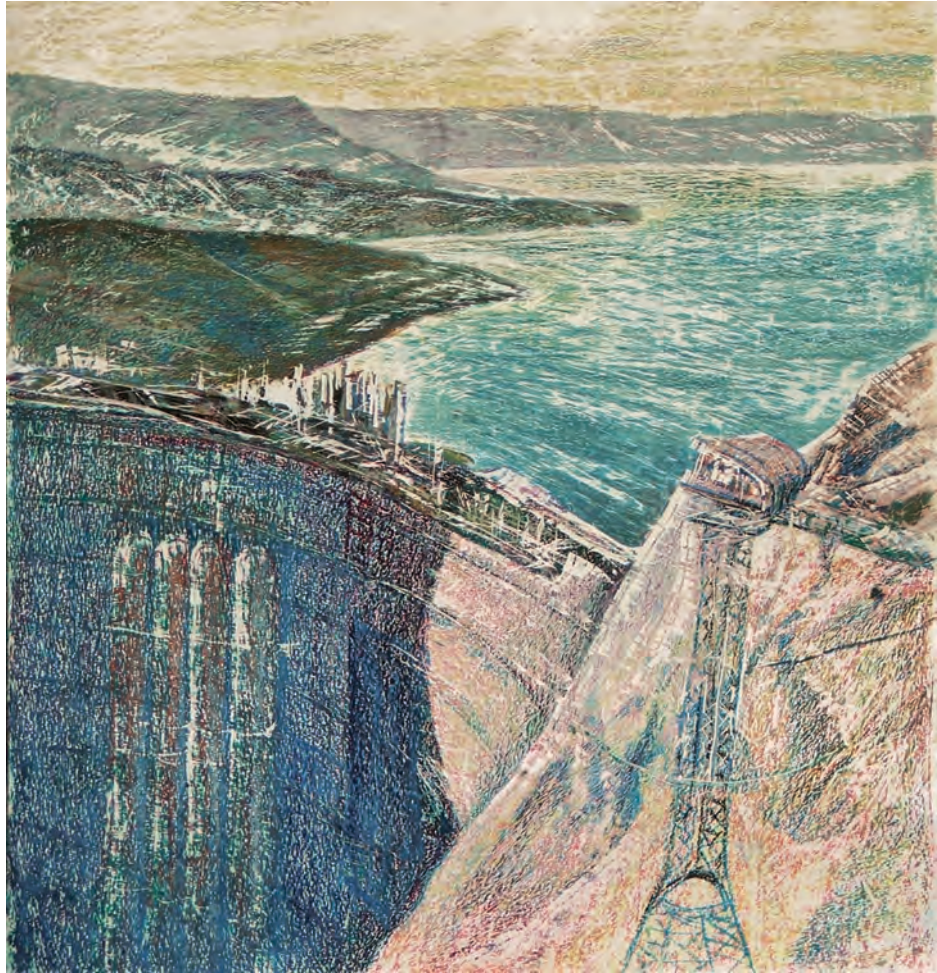
В послевоенные годы Салаватов работает художником-декоратором в Русском драматическом театре, сотрудничает с республиканскими газетами и книжным издательством. Специалисты считают его основоположником дагестанской книжной графики. Так, к сборнику рассказов Юсупа Гереева «Спутник Молла Насреддина» им было нарисовано 18 (!) вариантов обложки. А когда книга была переиздана через пять лет, Салават Магомедович почти все старые сюжеты переработал заново. Так, с азартом занятого любимым делом человека, Салават Магомедович работал над целостным оформлением книги старейшего кумыкского сказителя Аява Акавова «Нарт», книги «Стихи и юмор» Ибрагима Хамау, сборника «Кумыкские народные сказки» и многих других. В 1955 г. он выполнил обложку второго издания романа М. Хуршилова «Сулак-свидетель», а саму книгу оформлял Капаницын.

Салават Магомедович был не только мастером пейзажа. В его дневнике есть такие строки: «... Для меня это не просто пейзажи. Каждый рисунок, каждая картина – это целая программа. Программа восхищения нашим горным краем. У нашего Дагестана великая природа, но мы ее не ценим, а губим. А она нас любит – посмотрите, как щедро можно черпать в ней вдохновение. Не знаю другого уголка великой России с такой же одухотворенной природой. Я буду счастлив, что достиг своей цели, если человек, пришедший на мою выставку, задаст себе вопрос: «Что я сделал, чтобы эту красоту вокруг себя сохранить?»».

Большую популярность Салаватову принесла персональная выставка в Москве в 1971 году. Она была приурочена ко Дню энергетика. В это время в Дагестане как раз шло строительство каскада Сулакских ГЭС и Салаватов много работал на Чиркее. В этих работах он раскрылся как непревзойденный мастер индустриального пейзажа, не просто зафиксировавший этапы грандиозной стройки, но сумевший передать противостояние

Природы и Человека. Выставка вызвала большой интерес. Посетители тепло благодарили художника за работы и оставляли добрые записи в книге отзывов. Так, высокую оценку творчеству дал народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии Анатолий Никифорович Яр-Кравченко: «Салаватов не любит мягкую, плавную манеру с размытками, особенно популярную сейчас и наиболее эффектную. Его акварель, оставаясь прозрачной, резка по теням и очень графична. Прекрасные горные виды лишены ореола многозначительности. Они одухотворены, опозитизированы, но по-своему, по-салаватовски. Нужно быть Салаватом

Салаватовым, чтобы так восторженно-поэтически, нежно и страстно рисовать свой край». Летчик-космонавт В. Севастьянов написал: «Дорогой Салават Салаватов! Благодарю за удовольствие, которое испытал, посмотрев Ваши картины. Желаю Вам творческих успехов и удачи».

– Мы с Салаватом жили рядом по одной улице Махачкалы, учились в одной школе, вместе ходили в студию «Юного художника», – вспоминал аксакал дагестанского изобразительного искусства Абдулвагаб Муратчаев. – Салават был одаренным и талантливым от природы, от Бога. И живопись, и графика, и линогравюра – все было подвластно его умным и умелым рукам. Когда он писал портрет, словно снимая слои изобразительных подробностей, умел проникнуть в глубинную суть человека. В 1961-1967 годах мне посчастливилось работать вместе с ним в Союзе художников Дагестана. Он возглавлял Союз, а я был директором художественного фонда. Будучи требовательным к своим

подчиненным, он всегда оставался справедливым. Большое внимание он уделял молодым художникам, старался решать проблемы с жильем, мастерскими. По его рекомендации многие молодые художники поступили в специальные высшие учебные заведения, были приняты в Союз художников СССР.

Искусствовед Татьяна Петенина во вступительной статье к выставке Салаватова, в Дагестанском музее изобразительных искусств, отмечала: «Салават Магомедович развивал свой профессионализм постоянным и кропотливым трудом. В течение многих лет в многочисленных поездках по республике художник пристально всматривался в краски и линии, вслушивался в ритмы и звуки родного Дагестана, чтобы затем переносить все это на холст и бумагу. Художник работал в разных графических техниках: уголь, тушь, перо, пастель. В начале 60-х годов занимался популярной тогда линогравюрой. Однако излюбленной его техникой всегда

была акварель. Пожалуй, основная черта, определяющая творчество этого художника, – умение обобщать, способность несколькими мазками передать главное в природе и человеке. Именно это придает пейзажам особую цельность и даже монументальность. Его пейзажи всегда узнаваемы, емки и лаконичны».

На той выставке, посвященной памяти художника, были представлены почти все из 89 работ, хранящихся в фондах ДМИИ. Однако, в 2011 г. она значительно пополнилась серией графики и двумя картинами, выполненными уже после переезда в Москву. Помимо работы в издательстве, в столице он вел курсы рисования. Одной из его учениц была Лариса Гаврилова, которой он дарил свои работы. Лариса Николаевна много лет бережно хранила его дары, но в

итоге решила передать часть их Дагестану. В ноябре 2011 г. директор ДМИИ Салихат Расуловна Гамзатова получила в дар прекрасные работы периода, который не был представлен в музейной коллекции.

Рассказ о художнике был бы неполным, если бы я не встретился с его старшей дочерью Инессой, которая живет в Махачкале. Стены ее дома буквально увешаны работами отца. «Мои родители жили в этой квартире до 1972 года, до переезда в Москву, – рассказала мне Инесса Салаватовна. – Папу пригласили работать главным художником в издательство «Планета». Ему сразу дали квартиру и мастерскую в

престижном районе, а маму – Тамару Константиновну, которая окончила филологический факультет ДГУ, обеспечили профильной работой. Нас у родителей двое, я и моя младшая сестра Умият. Мы обе получили высшее медицинское образование, работаем по специальности. Папа очень

любил нас, часто возил в Нижний Дженгутай, наше родовое селение. Очень много работал в мастерской. Бывало, что он рисовал до утра и, не выспавшись, уходил на работу. Нам казалось, что его многоцветная палитра никогда не высыхала.

Папа любил и умел дружить. Нашими дорогими гостями были Р. Аскерханов, Р. Гамзатов, А. Аджаматов, А. Айгумов, художники М. Шабанов, А.-В. Мурагчаев и многие другие известные люди. Он никогда не делал ничего, что про-

тиворечило бы его совести: не изменял своим идеалам, ничего не просил ни у какой власти и всегда оставался свободным духом. Не плыл по течению, везде и всюду оставался самим собой».

Салават Салаватов полностью реализовался как художник, тому свидетельство – звание заслуженного художника РСФСР и народного художника Дагестана.

Указом Главы Республики Дагестан об увековечивании памяти художника-фронтовика Салавата Магомедовича Салаватова, на стене дома №3 по улице Коркмасова в Махачкале установлена мемориальная плита.

Влада БЕСАРАБ

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

В Русском театре снова премьера: Вячеслав Терещенко поставил спектакль «Мамочки» по пьесе современного уральского драматурга Владимира Зуева.

Вячеслав Терещенко – декан режиссерского факультета Театрального института им. Б. Щукина, художественный руководитель и директор московского независимого театра «Выпускники-щукинцы», созданного им в 2011 году. Тогда же на Международном фестивале русских театров республик Северного Кавказа и стран Черноморско-Каспийского региона дагестанские зрители увидели драму «Мамочки» в исполнении выпускников-щукинцев. Спектакль был также показан в Хасавюрте и признан лучшей постановкой фестиваля.

В Махачкалу тогда приехал и автор пьесы Владимир Зуев. На мастер-классе по современной драматургии (Зуев – ученик Николая Коляды. – В.Б.) зрители забросали его вопросами: «Вы бывали на войне? Вы имели в виду события на Кавказе? Ваша мама эту

пьесу читала?» ... Автор старался быть спокойным и отвечал честно. Да, на войне бывал, и не раз. Да с матерями, ищущими своих сыновей или то, что от них осталось, встречался – у всех героинь есть реальные прототипы. Нет, ни в коем случае не пытался спекулировать на «горячей» кавказской теме, поэтому время и место действия предельно условны – ВОЙНА, и всё. Какая – не важно. Потому что все войны во все времена – это страшно, и горе всех матерей одинаково.

Действительно, войны как таковой в пьесе нет. Нет крови, нет оружия, а если кто и гибнет, то, как в классической древнегреческой трагедии, за сценой. И от этого происходящее еще страшнее, еще безысходнее. И, конечно же, несмотря на все уверения авторов, что пьеса о «войне вообще», наши зрители точно знают, о

какой конкретной войне и какой «лаборатории» идет речь, какая земля «тяжелая». Знаем мы и то, что за первой войной последовала вторая, которую хоть и называли официально не иначе как «контртеррористической операцией», от этого суть происходящего не изменилась. Впрочем, мы сейчас не о войне, а о спектакле.

А спектакль получился жизнеутверждающим, полным высокого гуманизма и любви! Это рассказ о любви, жертвенности и спасении. «Смертью смерть поправ»...

Репетиции длились два месяца, причем, как рассказали артисты, занятые в спектакле, это были в основном прогоны всего спектакля, отрывки делали лишь в самом начале – таков режиссерский метод Вячеслава Терещенко. Махачкалинские «Мамочки» для него третьи (кроме театра «Выпускники-щучинцы», спектакль играют в Драматическом театре «Бенефис» для детей и молодежи в Березниках Пермского края. – В.Б.). Разумеется, концепция сложилась, все сбалансировано, акценты расставлены и остается только отработать все с актерским ансамблем. Это именно ансамблевый спектакль. От артистов

требуется в первую очередь умение работать в команде, не перетягивая одеяло на себя. Но при этом у каждого есть возможность раскрыться в полной мере, благо, драматург не поспешил на монологи и отлично выписал характеры. Старшенькая (заслуженная артистка РД Елена Чистякова) поражает твердостью характера, целеустремленностью (и сын Сергей – артист Артур Джахбаров – весь в нее – В.Б.). Младшенькая (заслуженная артистка РД Вера Гречанникова), хоть не обладает столь явными лидерскими качествами, как ее подруга, но тоже наделена необыкновенной стойкостью, обладает даром убеждения и умеет найти те самые нужные слова, что гасят любой конфликт. Роза (артистка Анжелика Аксенова) сомневается во всем, всего боится и отчаянно верит в чудо, во всепобеждающую силу добра. И только

с ней это чудо и случается – именно ее сын остается в живых. Вера (артистка Ирина Таланова) – простая, по самое не могу затюканная жизнью русская баба, для которой смерть – награда за земные страдания, отмучалась – и, слава богу. Поначалу она своей кротостью и тихой покорностью вообще производит впечатление эдакой блаженной дурочки, чем раздражает других мамочек.

Действие пьесы происходит в двух мирах – земном и небесном. Это показано буквально: через двухуровневые декорации, свет и цвет (на небесах все, как и положено, одеты в белое). Переходя из реальности в ирреальность, герои, однако, остаются собой – их характеры лишь резче очерчиваются, а поступки четче обосновываются. Так, все величие духа Веры раскрывается в монологах, которые она произносит уже после смерти.

Важную роль в спектакле играет музыка. В качестве пролога зрителям предлагается песня, помогающая настроиться на восприятие непростого действия, другие песни органично вплетены в ткань спектакля. Когда мы впервые видим солдат – они поют

под гитару «Звезду по имени Солнце» Цоя, и тут важно все: нарочитая «корявость» исполнения; слова песни, звучащие в этом контексте особенно пронзительно; временной указатель – песня была особенно популярна тогда, когда происходила эта неназванная, но узнаваемая война. Парни пели ее и на проводах в армию, и у полевых костров, и продолжают петь после смерти.

Помимо песен под живую гитару, в спектакле много музыки и просто звукового фона, которые точно попадают в каждый конкретный момент. Как указано в афише, за музыкальное оформление отвечали сам Вячеслав Терещенко и заведующая музыкальной частью Русского театра Анастасия Ильгова.

В актерском ансамбле хотелось бы отметить работу двух молодых артистов – Станислава Ходякова (Коля) и Арсена Хирамагомедова (Андрей). В театр они пришли

не вчера, но роли в «Мамочках» стали для них первым серьезным испытанием на профпригодность, который они с честью выдержали. По словам артистов, занятых в спектакле, работа с Вячеславом Терещенко для них всегда – большая удача, возможность для профессионального роста.

Хотя большинство зрителей воспринимают поход в театр как некое развлечение, и ждет от него в первую очередь легкого, ненавязчивого шоу, Русский театр старается выстраивать репертуар так, чтобы, помимо легкого жанра, были представлены серьезные постановки, поднимающие вечные вопросы бытия, заставляющие думать, сопереживать, а в случае с «Мамочками» – даже плакать. И никто в зале – от студентов до почтенных матрон с седоусыми спутниками – своих слез не стыдился.

РУССКАЯ ГИТАРА НА БИС

Лауреат международных конкурсов, заслуженный артист Дагестана и заслуженный артист Татарстана, Айнур Бегутов в Махачкале не был три года. И вот приехал с концертом по приглашению Дагестанской государственной филармонии. О том, насколько ответственно артист относится к выступлениям в Дагестане и как ценит нашу публику, говорит тот факт, что, представленная 20 февраля в Махачкале программа «Гитара на бис», 19 марта звучала в Казани на концерте-открытии X Международного фестиваля «Классическая гитара в XXI веке».

О фестивале, о гитарах и о жизни Айнур Бегутов рассказал в интервью нашему журналу.

– В пресс-релизах, на вашем сайте и др. источниках отдельным пунктом упоминается, что вы – исполнитель, который, цитирую: «активно пропагандирует «русскую гитару», возрождая репертуар и традиции музицирования на семиструнной гитаре». С чего началось ваше увлечение этим инструментом и в чем именно состоит пропагандистская деятельность?

– Началось с того, что мой первый педагог в музыкальной школе Вячеслав Федоро-

вич Богачков однажды принес на занятие семиструнную гитару и сказал – попробуй. Это инструмент со своей историей и своими исполнительскими традициями, которые сформировались еще в XIX веке. Семиструнная гитара была настолько популярна в Российской империи, что ее до сих пор везде называют «русской». С чем это связано? Однозначного ответа нет, но так сложилось, что именно этот инструмент идеально подходил для сопровождения русской песни и русскому романсу,

которые были неотъемлемой частью нашей культуры, отражали душу народа. В начале XX в. в жизни страны произошли радикальные перемены, репертуар русской гитары стал восприниматься как пережиток прошлого. Ее даже называли «мещанским инструментом». В учебные программы консерваторий прочно вошла шестиструнная гитара. Выдающийся русский гитарист Сергей Орехов писал: «Я никогда не думал, что шестиструнная гитара завоюет Россию. Семиструнная гитара – настолько народная; это гитара военная, литературная... Какие угодно возьмите слои общества: семиструнная гитара – это родной инструмент, с которым русский человек связан». Орехов был не просто блестящим исполнителем, он – настоящий подвижник. С 2007 года в Казани проводится международный фестиваль «Классическая гитара в XXI веке». В

этом году фестивалю 10 лет, и в третий раз в его рамках мы проводим Международный конкурс им. С. Орехова, как дань памяти этому выдающемуся музыканту. За прошедшие годы фестиваль из регионального события стал одним из крупнейших гитарных фестивалей на территории бывшего СССР. Прошедшие девять фестивалей познакомили казанскую публику и гитарную общественность с целой плеядой новых имен – лидеров мирового и отечественного гитарного исполнительства, гитаростроения и профессурой. Случайных участников в этом проекте нет, мы приглашаем исполнителей мирового уровня, которые обогащают наш опыт, знакомят с новыми программами, причем все обязательно везут самые новые и интересные программы, делятся творческими находками – фестиваль включает в себя мастер-классы, лекции и курсы повышения квалификации.

– **А что вам дает педагогическая деятельность, вам нравится преподавать? И насколько популярна гитара в Казани сегодня, много абитуриентов подают документы в консерваторию на отделение гитары?**

– Да, мне очень нравится преподавать, это важная часть моей профессиональной реализации, наряду с концертами. Это взаимосвязанные вещи: преподавание дает новое понимание того, что ты делаешь на сцене и зачем, открывает новые возможности. Гитара в Казани сейчас на пике популярности. Когда я поступил в консерваторию, нас было всего три студента-гитариста на все курсы, а в прошлом году, например, на два места претендовало восемь абитуриентов.

– **Но речь идет о шестиструнной гитаре, а не о семиструнной?**

– Да, конечно, программа консерватории рассчитана на шестиструнную гитару. Возможно, в ближайшее время будет факультатив по русской гитаре. Дело в том, что каждый музыкант хочет строить карьеру – играть конкурсы, получать премии, ездить на фестивали, а это подразумевает стандартный репертуар, который осваивается на шестиструнной гитаре. Но интерес к русской гитаре растет, я могу судить хотя

бы по тому, что к третьему конкурсу им. Орехова появились участники, которые подают заявку с двумя инструментами.

– **Что ж, будем надеяться, что и дагестанские ребята когда-нибудь станут его участниками. А как вы увлеклись ренессансной лютней?**

– Когда я учился в Бельгии в аспирантуре, там обязательно по истории исполнительства на старинных инструментах нужно было освоить старинный инструмент. Преподаватель предложил лютню. Вообще, в мире сейчас очень популярна аутентичная музыка. На Западе берегут свои традиции, тщательно изучают старинную музыку, инструментарий, стилистику. Надеюсь, что и мы к этому придем по отношению к русской гитаре.

– **Я читала, что специально для вас был написан концерт для гитары с оркестром. Объясните – это что-то необычное, его как-то особенно сложно писать?**

– Исторически гитара не является оркестровым инструментом, но она прекрасно вписывается в палитру красок симфонического оркестра. И этим пользуются композиторы,

создавая репертуар, где гитара «соперничает» с оркестром. Сегодня в моем репертуаре более 15 концертов для гитары с оркестром. В апреле планируется

запись концерта Рашида Калимуллина с оркестром «La Primavera» для моего третьего альбома.

– **Простите за резкий вопрос, но альбомы классической музыки, гитары, в частности, кто-то покупает? Попсу, например, все слушают в инете.**

– Московское музыкальное издательство «Арт-Сервис» выпустило два альбома в 2009 и в 2012 гг. Их можно купить через сайт издательства. Я не отслеживал специально продажи, но есть определенный круг ценителей такой музыки, которые покупают диски. На концерты же приходит публика, залы собираются.

– **А где профессиональные гитаристы берут инструменты, они дорогие? Доступны ли хорошие инструменты начинающим артистам, особенно в провинции?**

– Еще в 90-е годы, когда я учился в Махачкалинском музыкальном училище, в магазинах свободно лежали гитары Ленинградской фабрики музыкальных инструментов (фабрика закрылась в 2005 г. – Прим. ред.). Сейчас достать инструмент не проблема, есть достаточно мастеров – и в России, и за рубежом. Но другое дело найти русскую гитару традиционного звучания, которая бы отвечала твоим запросам. У меня сейчас четыре гитары, две из них – работы известного гитарного мастера Игоря Буданцева. Есть и совершенно уникальный инструмент с добавочным грифом Роберта Архузена 1907 года, которого называют «гитарным Страдивари». Про эту гитару можно сказать, что она меня нашла, а не я ее. Несколько лет назад был с концертом в Иркутске, играл программу «Русская фантазия» – это проект, представляющий традиционный репертуар для русской гитары. После концерта ко мне подошла девушка и предложи-

ла купить инструмент, принадлежавший ее отцу. Ей хотелось, чтобы эта гитара жила.

– **После окончания консерватории вы осели в Казани, хотя продолжили учебу в Москве, а по-**

том за границей. Так почему же все-таки Казань стала вашим домом, а не Москва?

– Ну это сродни вопросу – а почему вы остались в России?! Потому что так сложилось. В Казани веду несколько крупных проектов, тот же фестиваль «Классическая гитара в XXI веке» – не просто работа, это мое детище, которому я отдал 10 лет. Казань – очень современный город, центр просвещения, по крайней мере, в том, что касается музыкальной культуры. Мне там комфортно.

**Фото:
Мария ШЕРМАТОВА**

Мадина ХУРШИЛОВА

Последний день лета

Хрустальный шар удобно лег в ладонь, отдавая коже приятную прохладу. Полюбовавшись знакомой игрой ярких бликов на гранях, мальчик поднес сферу к глазам. В глубине изломанных лабиринтов привычно замерцали и погасли радужные всполохи, и он увидел берег – застывшую рябь мелкого песка, обкатанные водой камни, белую полосу прибоя...

Одни, поддавшись всепланетной истерии, строили ковчеги, спускались в старые бункеры, запасались продовольствием, отчаянно надеясь пережить грядущий Апокалипсис. Другие весело сжигали мосты и корабли, жадно глотая, как им казалось, последние дни. Иные молились. А в целом жизнь шла своим чередом, в извечном круговороте смертей и рождений, снега и солнца, неожиданных радостей и мимолетных огорчений.

Мальчик замер, прислушиваясь к невнятному говору волн. Песчаный берег был пуст и неизменен. Он повертел шар, наблюдая за калейдоскопическим мельканием картин, но эта призрачная феерия быстро наскучила подростку. Небрежно бросив шар на полку, он вышел за дверь – навстречу лету. В этом году велосипед и друзья с удочками интересовали его больше магии хрусталя.

В ночном небе вспыхнула радуга, и созвездия изменили свои очертания. Земля вздрогнула. Город рассыпался, будто карточный домик. В темных глубинах океана проснулся древний вулкан, и гигантские волны ринулись к побережью.

Бог устал нас любить. Он повзрослел.

* * *

Уже научилась почти ни о чем не жалеть,
Уже посжигала мосты, корабли и тетрадки,
Сырые страницы никак не хотели гореть,
Дымились, и тлели, и корчились, как в лихорадке.

И стало просторней, и даже как будто светлей,
Уже не узнаешь когда-то знакомой квартиры:

Изящная ваза с цветами стоит на столе,
А полки в шкафу украшают теперь сувениры.

И мне перемены такие по нраву вполне,
Вот только завидую тем, кто, как прежде, крылаты,
Когда в тишине предрассветной

вдруг вспомнится мне,
Как юная осень бродила со мной по Арбату.

* * *

Не пишите мне сообщений,
До рассвета
Ночь коротая,
Не растаю
От красивых и гладких строк,
Бродят тени,
Двери в лето
Крепко заперты на замок.
А когда-то было иначе:
Вели разговор стихами,
Письмо в конверте бумажном
Пахнет порохом ли, духами ...
В прошлом, в прошлом ...
Нынче – пошлый
Смайлик, что ничего не значит,
Вопросительный знак, в ответ многоточие –
Так беседуют миллионы,
Экономя время и силы,
Впрочем
Я и раньше не любила
Вас и ждать почтальона.

* * *

*«Здорово поболтали.
Страшно теперь смотреть,
что я настихотворил».*
Д. Пегов

Рыба ищет, где глубже,
люди – теплей, южней,
Красота на Каспии: Крещение, а нет снегов,
И не так уж дорог твой сумрачный Енисей,
По весне берсерком рвущийся из берегов.

Тишь да гладь. Но под утро
снова тошно от сигарет,
И если нет сугробов, где же мне спрятать, где
Хрупкие обломки памяти,
острые осколки лет,
Чтоб не пораниться близким
и не страстись беде.

Траченные болью души любят играть в слова ...
Нам бы хоть раз,
как прежде, поговорить ...
Жить без этого можно, но не слышать,
что шепчет трава,
И никогда больше не стихотворить.

* * *

Куда-то увела его весна,
Зову – мне отвечает тишина,

Брожу одна, чужим в глаза гляжу,
А своего нигде не нахожу.

Волна жасмина бесится в окне,
Но не согреется в теплом доме мне,

И будто не осталось ничего:
Ни на диване спящего его,

И ни ворчания, с которым – да! –
Протискивался в форточку всегда,

Не вижу глаз его в цвет янтаря –
Распахнутые окна сентября,

И все не так, и все опять не то,
Мне лбом в ладонь не тычется никто.

Уже неделю не приходит кот ...
Считаю дни. И каждый день – за год.

Анастасия БЛИЩАВЕНКО

Млечный путь

ВСЕЛЕННАЯ

Вся вселенная будто в моих руках.
Растираю в ладонях межзвёздный прах –
Галактический мусор и пыль комет:
Они ярко пылали – теперь их нет.
А планеты? На каждой – огромный мир,
Пропадают в отверстиях чёрных дыр,
Что их пепел доставят затем в никуда.
Утекает материя, будто вода.
Тут же, прямо под кожу, ты посмотри:
Via Lactea вены мне жжёт изнутри!
Он в пространство выстрелит опять,
И опять созвездьями истекать.
Так за часом час, уж который год,
Я вырастаю в сумрачный небосвод,
Мириады звёзд обратив в пыльцу,
Раскидав веснушками по лицу.
Не сумею мне у времени что-то взять,
Так, чтоб время меня не нашло опять,
К своей радости или несчастью, его
Я являюсь частью и веществом.
Игнорируя правила бытия
Может быть, вселенная – это я?..

БАЛЛАДА О ПРОПАВШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Слетела с катушек. Поехала. Тронулась.
Что тут ещё сказать!?
Лишь отвернись, за спиной уже шепчутся.
Сплетни. Да что с них взять!
Просто ходила своей дорожкой,
Тропкой своей лесной.

Всюду одна, как луна одинокая,
И только сама с собой.
Слишком красива и взгляд дикарки,
Гроздь рябины в косе.
В том виновата, что непохожая,
Что не такая, как все?
«Безумная!», «Дикая», «Рыжая бестия» –
Только и слышится вслед.
Может быть, ведьмой ещё назовёте?
Гривы подходит цвет.
Чем виновата, что к вам приставлена
Род ваш людской хранить.
И защищая от бед и напастей
Вам же мешаю жить...
Вскоре затихли пустые толки
И голоса вдалеке.
Зачем же вы, камень повесив на шею,
Меня притащили к реке!??
Прошу вас, одумайтесь, люди, не надо!
Греха вам с души не смыть.

И страшную правду об этом злодействе
Не сможете вы утаить.
И сдавленный крик,
И толпы дикий хохот,
И ужас в зелёных глазах.
Воды тихий всплеск.
Побледневшие губы
Не в силах и слова сказать.
И воды сомкнулись,
Навек схоронили
Монстра, которого нет.
Последний оставшийся солнечный лучик,
Во тьме не увиденный свет.
Говорят уцелевшие, видели будто,
Как на заре у реки
Стёрла деревню девушка юная
Одним лишь движеньем руки.

АКОНИТОВЫЙ ЧАЙ

Аконитовый чай
С лепестками омелы...
Я вернусь, не скучай.
Прогоню чёрно-белый
Застарелый кошмар,
И зажгу волчье солнце.
Тот, кто первым пропал,
Так же первым вернётся.
По знакомым местам
Пронесусь ураганом –
По болотам, лесам,
Где повсюду капканы.
Я проникну в твой дом
Самой лунною ночью,
Неизменно ведом
К нему тропкою волчьей.
Ловко влезу в окно,
Опущусь тихо рядом.
Мне другой не дано,
Мне других и не надо.
Ты прошепчешь во сне,
Будто я – камикадзе
И не стоило мне
Насовсем оставаться.
У охотников взгляд
Ядовито-холодный.
Кровь к вискам и приклад,
Серый камень надгробный.
Улыбнусь во всю пасть,

Хоть хожу я по краю,
Мне не страшно упасть,
Я тебя выбираю!
Несмотря ни на что.
И не злой, и не хмурый...
Нестерпимо тепло
Мне под серою шкурой.
Я вернуться готов
Самой длинною ночью.
Через пламя костров,
Если только захочешь.
Через сотни веков,
Навсегда буду рядом.
Мне другой не дано.
Мне других и не надо.

* * *

Бывает, что души срastaются криво,
Бывает, частей витражам не хватает,
Мозаикой тусклой глядят молчаливо
На двери соборов – ворота от рая.
Куда их, уродов, что тянутся к небу
Воздушными змеями вечной печали
(Никто из них даже и змеями не был),
Всех тех, кому вечную жизнь обещали,
А сами используют вместо брусчатки,
Мостят переулки, стараясь не слушать,
Как досками стонут на шатком причале
Залитые клеем разбитые души?
Они, как витрины, что светят неонем,
Всегда выделяясь в ночном полумраке.
Их сотни, их тысячи, их миллионы.
Их любят лишь ветры, дожди и собаки.
Они переломаны и безнадежны,
И склеены скотчем они, как попало.
Они рассыпаются мраморной крошкой,
(Но этого нам замечать не пристало).
И плачут, и воют, и лезут на стены,
И снова нигде не находят приюта.
Снаружи бесцветны они и смиренны,
И каждое утро, как «Доброе утро!».
Но всё же, в глазах их таится отгадка
И страшная правда застыла во взгляде.
Им скрыть бы её от прохожих, украдкой
Запятав меж рано седеющих прядей.
Но даже для них мир нашёл примененье...
И души-горгульи впечатаны в мрамор.
Они с понедельника по воскресенье
Взирают в Париже со стен Нотр-Дама.

Марат ЛУГУЕВ

Стали старше

Тогда я был маленьким и глупым. Думал, что буду жить вечно. Думал, что взрослые такие сердитые и ничего не хотят понимать. Я многого не знал. Я не знал многих. Не знал «маленького» крепыша Гусейна, которого быстро записал в свои друзья. Не знал, что мы будем пьяные кататься по ночному городу, «радуя» общих знакомых неожиданными ночными визитами «на хинкал». Не думал, что будем допоздна засиживаться в маленьком парке, щелкая семечки и болтая почти ни о чём. Не знал, что так быстро горе и радости станут общими. И уж тем более не догадывался, что меньше чем через год он погибнет в нелепой аварии. По дороге домой. Разобьется насмерть вместе с восемью нашими товарищами. Кто-то выживет. А трех пацанов уже не вернуть. Больно. Очень. Я представляю, как они в девятером влезали в «мерседес» с шутками и шумом. Как сидели там, обнявшись, и кричали «до конца!». Я не думал, что буду плакать ночью, уткнувшись лицом в подушку. Не думал, что придётся навещать в больнице хмурого Мурадика, которому авария ломает ноги, а смерть друзей – душу. И видеть, как плачет он, закрыв лицо одеялом. Мы все маленькие и глупые. Все. И сидя дома у Рыжа, под вечной ёлкой, я кичился сам перед собой тем, какой я взрослый. Отец семейства. Мужчина. И, слушая разговоры гостей, радовался тому, какие большие и умные у меня друзья. А наряженная ёлка, простоявшая в углу квартиры пять лет, слушала нас, улыбаясь железной мелочью, которую мы кидали ей, чтоб вернуться в этот дом... Мы наверняка тогда не знали, что свадьба Рыжего наступит так быстро, и что вместо нас, вечно весело-пьяных, с нашим другом будет жить милая и гостеприимная Патя. И что маленький Сусанин в один день станет взрослым, и приставка «маленький» постепенно станет ненужной. Я никогда не думал, что наступит такое время, когда мне будет приятней слушать, чем говорить, – пристроиться тихонько в углу и слушать, как болтают мои друзья. Музыканты, обсуждающие новинки и хором проклиная

ющие «попсу». Отчасти потому, что так надо, отчасти из страха, что «попса» – это то, что делают они. Креативные рекламщики, говорящие на почти незнакомом мне диалекте. Ребята из КВН – вечно веселые и умеющие быстро забывать о том, что «сегодня среда, а нам в пятницу выступать, и у нас ни фига не готово». Люди из отряда «травя – это не наркотик», суетливо-осторожные и очень добрые – когда у них «есть», и сердитые – когда «голяк». И вся эта мешанина из людей, движений, идей станет неотъемлемой частью моей жизни. Не думал, что повстречаю человека, который из любви ко мне будет меня постоянно подталкивать вперед. Не мог предвидеть, что последние год-два моей жизни подарят мне и близких друзей, называющих меня братом, и новых братьев, считающих меня другом. Не думал и не знал, что так приятно встречать людей и знать, что это навсегда, и так больно терять друзей. Я много чего не знал, и о многом не думал. Тогда я был маленьким и глупым. Как и сейчас. Но зато теперь я хочу взрослеть.

Детей было много. Они играли на обычной детской площадке. Обычные дети. Обычный день. Только одна девочка сидела в стороне. Обычная девочка. С косичками. С улыбкой и потерянными где-то передним зубом. Она долго сидела в сторонке и наблюдала за ними. До тех пор, пока порыв ледяного ветра не прошелся по площадке. Девочка вздрогнула и начала оглядываться по сторонам. Скамейки. Парочки. Собачники. Пьяница. На нем ее взгляд остановился. Девочка поднялась и направилась к скамейке, где сидел потрепанный старичок. С бутылкой. В залатанном пиджаке, потертых брюках и стоптанных туфлях на босу ногу. Старичок делал вид, что не видит девочку, но косился в ее сторону и что-то бормотал себе под нос.

– Ну, здравствуй. – Девочка уселась рядом.

– Изыди, – буркнул старичок и глотнул из бутылки.

– Ну уж нет, – улыбнулась малышка. – Кажется, был уговор, что вы сюда не явитесь.

– К черту уговоры! – зашипел вдруг старик. – К черту договоренности, условия, перемирия...

– Не шуми, – сказала девочка. – Ты же знаешь, он – наш. С вами ему делать нечего.

– Ваш?! С каких это пор Врата открыты для тех, чья душа принадлежит Хозяину?!

– Добрых дел... – начали косички

– Гораздо меньше, чем грехов! – И залатанный пиджак снова приложился к бутылке.

– Не сравнивай.

– Буду! – закричал старичок. – Еще как буду! Посмотри на них – какие они милосердные!!! Весы не качнулись ни в одну из сторон!!!

– Именно, – улыбнулась малышка. – А по условиям, если чаши весов не перетягивают друг друга, значит...

– Ничего не значит. Я пришел первым.

– Значит, и уйдешь первым.

– Ничего подобного...

Пьяница допил свою бутылку и со злостью швырнул ее в сторону детской площадки.

Девочка вдруг звонко хлопнула в ладоши, и бутылка растворилась в воздухе.

– Дешевые фокусы, – ухмыльнулся старичок.

– Ближе к теме.

– Знаешь... А, может, дадим ему пожить?

– У каждого свой час.

– Но ведь есть исключения.

– Если для вас вопрос стоит так остро, то пусть живет. Лет пять ему дадим. Только не за-

бывай. Люди под конец жизни приходят к Отцу. И у вас не останется никаких шансов.

– Это мы еще посмотрим, – ухмыльнулся пьяница.

– А теперь проваливай, – уже без улыбки сказала девочка.

– Ты мне не указ!!!

Глаза девочки начали светиться. Старичок заерзал, стал отодвигаться, ругаясь матом на нескольких языках сразу. Вдруг выпрямился. Поднял руки, резко присел, хлопнув ладонями об землю, и рассыпался в песок, который тут же разметал порыв холодного ветра. Девочка слезла со скамейки и направилась к детской площадке. Села поодаль и, улыбаясь, стала наблюдать за детьми...

... Девушка стояла в белом коридоре. Сильно нервничала. Иногда вытирала слезы. Открывалась дверь.

– Заходите.

Она зашла. Крупный седой человек на кровати. Врачи, собирающиеся после осмотра.

– Окончательный диагноз таков.

Говорю вам прямо, – начал белый халат. – Критический момент позади. Жить он будет. Только вот образ жизни надо изменить. Никакого алкоголя. Сигарет. Загулов. Запоев. Иначе мы уже не спасём.

– Спасибо, док, – заулыбалась девушка.

Человек на кровати тоже улыбался.

– Черт бы побрал вас, костоправов, – воскликнул он. – Не пить, не курить... На хрен мне такая жизнь сдалась-то? – и рассмеялся.

Доктор покачал головой и вышел с ассистентами из палаты.

– Доча, ты принесла, что я просил?

– Ты слышал, что сказал врач?!

– К черту врача, доченька.

– Нет, пап.

– Последний раз...

– Какой по счету?

– Честно, последний.

Девушка протянула отцу пакет. Он развернул его. Достал бутылку. Откупорил. Сделал большой глоток. Закрыл и положил под матрас.

– Доча, со мной всё будет хорошо. Иди.

– Я хочу посидеть с тобой, папа.

– Иди, солнышко. Тут ко мне прийти должны.

– Кто?

– Да есть тут у них медсестра одна...

– Тебе не стыдно, папа?!

– Всё одно гореть в аду, солнышко. Завтра я тебя жду...

Душа

А жизнь тихо-тихо сыплется песком в стеклянных часах на полке у врача. И мы сидим на лавочке в ожидании чудес, надеясь, что счастье рухнет нам на голову только потому, что мы считаем себя хорошими людьми. Сидим без движения, иногда просто передвигаемся туда, куда падают лучи. И греемся в лучах собственной глупости. А надежды потихонечку улетучиваются. С каждой секундой. Мы смотрим на то, как люди подсаживаются

рядом. Сидят с нами. А потом идут дальше. Но у нас нет желания куда-то идти. Дорога пугает. Дорога опасна. Сложна. Очень. И мы, чёрт возьми, сидим, утешая себя тем, что у нас хватило сил и мужества дойти до этой проклятой лавочки, что хватило мощи приподнять наш тяжелый зад и опустить его на теплое место. Мы довольствуемся малым, утешая себя тем, что мы слишком хороши для того, чтобы сделать что-то еще. Сидя в парке Жизни, мы, как голуби, клюем крошки, которые бросает нам старуха Судьба, и боимся попросить ее о добавке. А она видит наши довольные сытые лица и не даёт больше Нормы. У кого-то найдутся силы взлететь и искать счастья в другом месте. Мы недовольно косимся на них. В ожи-

Гончие гнали его через лес. Лучи солнца играли на его шерсти. Он бежал красиво и уверенно. Псы возбужденно лаяли, теряли его след и снова находили, а он точно знал дорогу. Знал, что уйдёт, поэтому берёт силы. Он был подобен сплошной блестящей серой стреле, его лапы почти не оставляли следов.

Он бежал и думал о том, что бег – это хорошо. Сильные лапы – это хорошо. Мощные челюсти – это хорошо. Но бег спиной к противнику – это плохо.

«Сколько ты еще так пробегаешь? – спросил он сам себя. – Ведь гончие так и будут приходиться в твой лес и убивать ради забавы». И ему не понравились собственные мысли. Они его пугали. Но он привык прятать свой страх еще с тех пор, как научился делать свои первые

дании мы не покидаем лавку, пока место Судьбы в парке Жизни не займет ее сестра – хмурая Смерть. И мы воспринимаем ее приход, как должное. Мы даже разучились плакать и кичимся своей черствостью... Мы никто. Наши действия ничто, мы уходим, и наше место занимают такие же, как мы. Сыто-глупые. Глупо-сытые. Серые. Безликие... Но иногда

мы вдруг понимаем, что дальше так продолжаться не может. И мы встаем с этой

Место под солнцем

гребанной скамьи. Перестаем клевать крошки. Пытаемся сдвинуться с мертвой точки. Начинаем движение. Просим у Судьбы еще и еще. Уходим как можно дальше от теплой скамейки. И в движении начинаем понимать, что «вот она Жизнь», что надо сделать очень-очень многое... И мы спешим, стараемся, ошибаемся, и снова спешим. И именно в этот момент осознаем, какую ношу мы на себя взяли. И надо, чтоб хватило сил донести свой Выбор до конца. Пройти Дорогу по максимуму. Забрать у Жизни и Судьбы как можно больше. И нам не нужны уже крошки. Нам не надо теплое место. Мы просто начинаем чувствовать, что мы люди. И от нас зависит то, каким будет завтрашний день...

шаги. Маленьким волчонком он заставлял себя прятать свой ужас глубоко-глубоко и разворачивать лицом к врагу.

И он замедлил бег. Остановился у ручья. Сделал несколько глубоких глотков. Подумал о том, как хорошо и уютно Дома. Потом подумал о том, что в лесу ничего не спрячешь, и первый бой не будет последним. Он знал, что Стая узнает о том, что он сделает, и пойдет по его стопам.

Кто-то должен начать. Остановиться первым и принять бой. Показать Гончим, что в Лесу может быть страшно. Что убивать умеют не только они.

И он развернулся в ту сторону, откуда доносился запах погони. Упёрся лапами крепче в землю и стал ждать врага.

Волк

Твои люди – это твои стены. Твои люди – твоя крепость. И ты почти никогда не проверяешь их на прочность. Во-первых, это унижительно. Во-вторых, судьба и время сами расставят всё по местам. Но иногда нужно слишком много времени, чтобы это понять. Слишком много времени твоя крепость не знала потрясений, и ты уже уверен в надежности ее укреплений и что стены выстоят. Но всё оказывается далеко не так.

Я был чьей-то стеной и пал. Наверное. Не знаю точно. Это страшное ощущение, когда ты стоишь и видишь, что вокруг тебя рушится твой мир. Сначала тебе горько. Обидно. Обида потому, что тебя не поняли. Не захотели понять. Потом гнев. Ты бегаешь по обломкам, стучишь по ним кулаком. Проклинаю всё и вся. Но вдруг ты видишь надпись на одном из устоявших бастионов: «Мы с тобой». «Ты знал, что так будет» – написано на другом. «Помни о том, что каждый сам несет ответственность за себя» – гласит третий. И ты обходишь уцелевших. Идешь мимо них и начинаешь гордиться тем, что пусть кто-то оказался слишком слаб, чтобы пройти с тобой, зато ты достаточно силен для того, чтобы идти вперед...

Что вам всем от меня надо? Достали! Не хочу никого видеть. Совсем. Дома сидеть не могу. Пойду пить. В одиночестве. Как алкаш. На улице ни тепло, ни холодно. Куртка через плечо. Наушники. Разглядываю прохожих. Ловлю недоуменные взгляды. Не понтуйтесь, я улыбаюсь не вам. Музыка. Меряю шагами грязный асфальт.

По пути вспомнил, что голоден. Шаурма – еда ночных разгильдяев. После семи вечера тут постоянно очередь. «Ассалам алейкум!» – в очередь. «Ваалейкум салам» – обратно. Разношерстные. Два мента. Голодные. По глазам видно. Хотя у них всю дорогу такой взгляд. За ними три обормота в спортивной одежде. Могу спорить, это их «четырнадцатая» стоит прямо на тротуаре. Модные. За ними старичок.

Потрепанный. Чистый. Но одежда навевает мысли о бутылке в пустой комнате дома для престарелых. Смотрю, как он пересчитывает деньги. Видимо, гадает, на что ему еще хватит. «Держи, отец!» Он недоуменно смотрит на сторублевую купюру в моей руке. «Ты что, сы-

Хмурая и высокая крепость «Хозяин» – она простоит до конца, теперь я это точно знаю. Красивая башня «Самурай» – стены понимания и обитель дружбы. Веселый замок «Апельсин» – здесь учат, здесь любят. Бастион «Недовольный» – многие пророчили его падение, но он стоит. Цитадель «Родная» – она падёт одной из последних, если падёт вообще. «Рубеж Сумасшедшей» – линия обороны, за которую ты всегда уверен. Замок «Брат» – иногда непонятно, кто из нас кого охраняет.

Они вокруг меня. Это моя сила. Моя гордость. Это те укрепления, которые выстояли. Это преграда для доступа к «Оплоту Семьи». Это стены, которые уберегут от холодного ветра и вражеской стрелы. Это мой город. Мой Зион. В центре которого строится замок «Следующий». И когда обломки прошлого начинают ломать мои дни, я иду вдоль своих укреплений. Провожу по ним рукой и вижу, как на них проступают письма. Честные и правдивые. И я читаю их и понимаю, что у меня есть сила. Что те, кто оставил меня, – слабы. Что те, кто предал, – недостойны.

нок?» – ожидает подвоха. «Мозг не делай. Держи, пока дают». Он тихо благодарит и зачем-то жмет мне руку выше локтя.

Менты уже кушают в сторонке. Обормоты уехали. Старик тянет деньги. «Оставь отец, я за тебя отдам». Печально качает головой и уходит... Я беру свою «дозу». Смакую. Вкусно. Иду дальше... Огни.. Вижу людей за стеклом. Тяжелая дверь. Здороваясь с охранником. Учились вместе когда-то. Приветствия официанткам-улыбашкам и хозяйке, которая за столом возится в бумагах. Темный зал. Парочка за одним столом. Компания девушек – за другим. В кресло. Развалился. Разглядываю девчонок. Тянут пиво, дымят сигаретами.

– Юленька, меня тут еще любят?

– Конечно, Марат! Пива?

– Конечно, Юля. Пива!

Настроение все мрачнее. Черт бы побрал этого старика с его грустным взглядом. Надо было дать больше. «Хочешь за бабки скинуть

Стены

Вечер

Богу душу» – слова покойного Грюндика. Настроение уходит в минус. Пиво добавляет мрака. Совсем, братец, ты расклеился.

Еще бокал. Официантка недоуменно спрашивает, чего это я сегодня один. Коротко объясняю, что ненавижу людей. Смеется. Звонок. Ха, Мурадик... Тоже без настроения. Брат. «Приезжай на «лобное». Жду».

После третьего бокала закрываю глаза. Начинаю жалеть себя. «Может, еще слезупустишь?» Пьяный м...к, плачет в одиночестве. Представляю себе эту картину и улыбаюсь. Но плакать не буду. Ха. Ха. Ха...

Вот и Мура. Мрачнее тучи. Хмурый, как Сатана, у которого не получилось за целый день купить ни одной души. Думаем вместе. Пропадать – так с музыкой. Водки! Еще пива. Первые три быстро исчезают в наших замученных желудках. И чего эт мы такие скучные. «Девочки, привет!» На нас недоуменно смотрят. Резко отвечают, но после пары шуток – почти друзья. Еще рюмка. Еще глоток. Еще немного настроения.

Ассалам алейкум, дамы и господа! Что вы такие тихие? Будем петь? Мы начинаем. Через некоторое время с удивлением обнаруживаю вторую бутылку на столе и несколько дополнительных личностей за столом. Всех знаю. Даже рад видеть. Кто-то перехватывает микрофон. Рядом моя названная сестричка. Болгаем о стихах Блока, пацифизме Луговского и по...изме Лугуева.

Очередную песню посвящаю парочке за дальним столом. Через пять минут пацан поднимает с нами рюмку, а его спутница машет ручкой из своего кресла. На лице Мурада написано: «дунуть бы». Не хочу. Будем пить и веселиться.

Приглашаю девушку на танец. Ее подружки хором восклицают: «О-о-о-о-о!!!» И понеслось:

«С кем живешь?.. Женат?.. Почему не с женой?..» Надоела со своими вопросами – строчит как пулемет. «Не прижимайся так сильно, солнышко. Не радуйся – это телефон. Можешь даже потрогать». В ответ – пьяное «хи-хи-хи» ...

Опять за стол. Слева говорят о поэзии, справа о гидропонике и последнем чемпионате по рукопашному бою... Мне хорошо. Мура кричит: «Сауууд, брат!!!». Зажигаем. Или прожигаем. Или еще что-нибудь.

Заведение закрывается. Провожаем до дома сестричку. Звоним к Рыжу. Наконец-то свободен. На скамейку. Через полчаса оказывается, что одной скамейки все-таки мало. Домой никто уезжать не захотел. Пива! Еще больше пива! Кому там нужен нож? На, брат, режь эти чертовы плюшки... Справа говорят о живописи, слева смотрят грязное махачкалинское порно в телефонах с криками: «Я ее волоку!» Иногда останавливаемся, объединяемся над общей темой, и опять – каждому свое.

Два часа ночи. Я начинаю слегка клевать носом, а Рыж улыбается с закрытыми глазами. Мура кричит: «До концУ!!!» «У» в конце меня смешит. И Мура смешит. Все такие смешные. Народ понимает, что завтра всем работать, и потихонечку – по домам.

Я ночую у Рыжа. «Мура, только попробуй не пойти с нами...» Берем пива. Берем пива. Еще раз берем пива... Утро... сквозь форшмак во рту и боль в голове вспоминаю вчерашнее. Лежу и смеюсь. Чего смеюсь? Просто мне нравится жизнь.

Сейчас я пойду на работу. Вечером увижу сына и жену. Заеду к родителям. Повидаюсь с друзьями. Таких, как я, миллионы. Своеобразный замкнутый круг. Но лучше иногда нарезать по нему пару кругов, чем тащиться вверх, теряя близких людей...

